

Конституционное П Р А В О С У Д И Е

Вестник
Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля

Выпуск 1 (85)
Издается Конституционным Советом
Республики Казахстан
Нур-Султан - 2022

Председатель редакционного совета

ШАПАК Унзила

Член Конституционного Совета Республики Казахстан

Редакционный Совет:

ГАРАДЖАЕВ Джейхун

судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ВОРОНОВИЧ Тадеуш Валентинович

судья Конституционного Суда Республики Беларусь

ТУНЯН Араик Георгиевич

судья Конституционного Суда Республики Армения

БОБУКЕЕВА Меергуль Рыскулбековна

судья-секретарь Конституционного Суда Кыргызской Республики

ДАМДИНСУРЭН Солонго

судья Конституционного Суда Монголии

КОКОТОВ Александр Николаевич

судья Конституционного Суда Российской Федерации

ДЖАМШЕДЗОДА Джамшед Назаршо

судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

ГАФУРОВ Аскаржон Бойисович

заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Узбекистан

Содержание

У. Шапак	
Конституционная реформа в Республике Казахстан	4
А. Кокотов	
Конституционный Суд России как Суд по правам человека	6
 Из практики органов конституционного контроля	
Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики	13
Резюме решений Конституционного Суда Республики Беларусь	26
Заключение Конституционного Совета Республики Казахстан	32
Комментарий к решению Конституционного Совета Республики Казахстан	37
Решения Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики	39
Постановления Конституционного Суда Российской Федерации	54

Шапак Унзила,
Член Конституционного Совета
Республики Казахстан, Заместитель члена
Европейской комиссии за демократию через
право от Республики Казахстан

Конституционная реформа в Республике Казахстан

В настоящее время в Казахстане проводятся серьезные реформы в политико-правовой сфере.

В начале года в своем Послании народу Казахстана Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев предложил масштабную программу политической модернизации.

Она предполагает переход к новой государственной модели, новому формату взаимодействия государства и общества.

Подготовленный с целью реализации предложенных мер проект Закона о поправках к Конституции был принят на республиканском референдуме, состоявшемся 5 июня т.г. При разработке законопроекта были учтены и рекомендации Венецианской комиссии.

Конституционные изменения условно можно разделить на несколько блоков.

Первый блок поправок призван закрепить окончательный переход от "суперпрезидентской" формы правления к классической президентской республике с влиятельным парламентом и подотчетным правительством. В этом плане Глава государства передал ряд своих полномочий другим государственным органам или будет осуществлять их по согласованию с ними. В целях повышения политической конкуренции введено требование, что Президент на период осуществления своих полномочий не должен состоять в политической партии.

Многие изменения касаются усиления роли Парламента и местных представительных органов, совершенствования законодательного процесса.

В этом плане пересмотрен порядок формирования обеих палат Парламента. Президентская квота в Сенате Парламента сокращена с 15 до 10 депутатов. Причем, пять из них будут предложены Ассамблеей народа Казахстана. Данная новация обеспечит мандаты различным этническим группам в верхней Палате.

Принято решение о введении смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системы на выборах в Мажилис Парламента. 30 % нижней палаты будет избираться по одномандатным избирательным округам. Это будет лучше отражать интересы избирателей. При этом вводится право отзыва гражданами избранного им депутата в случае невыполнения им предвыборных обещаний.

К новшествам законодательного процесса относятся: представление Парламентом, а не Сенатом как сейчас, на подпись Президенту закона; принятие конституционных законов на совместном заседании Палат. Для формирования более сбалансированной парламентской системы введено правило,

предполагающее право Сената одобрять или не одобрять законы, уже принятые Мажилисом. Таким образом, именно Мажилис наделяется правом принимать законы.

Для оперативного реагирования на условия, создающие угрозу жизни и здоровью населения, и иным ценностям, Правительству предоставлено право принимать временные нормативные правовые акты, имеющие силу закона. Пандемия и другие современные угрозы показывают необходимость таких срочных мер. Как известно, такая законодательная практика имеется во Франции.

Усиливается парламентский контроль за качеством исполнения республиканского бюджета. Для этого Счетный комитет преобразуется в Высшую аудиторскую палату, Председатель которой должен два раза в год отчитываться перед депутатами Мажилиса.

Укрепляются гарантии местного государственного управления и самоуправления. Теперь акимы областей будут назначаться на должность Президентом Республики с согласия депутатов всех маслихатов, расположенных на территории области, а не только областного маслихата. При этом Глава государства предлагает не менее двух кандидатур.

Важный блок поправок касается вопросов правоохранительной системы.

Для окончательного закрепления решения об отмене смертной казни внесено изменение, что данный вид наказания запрещается. Укреплен конституционный статус Уполномоченного по правам человека. Также предусматривается принятие отдельного конституционного закона о прокуратуре, что является реализацией рекомендации Венецианской Комиссии.

С учетом международного опыта Глава государства предложил трансформировать Конституционный Совет в Конституционный Суд. В число субъектов обращения дополнительно включены Генеральный Прокурор, Уполномоченный по правам человека и граждане.

В Казахстане граждане наделяются правом самостоятельно обращаться в Конституционный Суд. Он будет действовать с 1 января следующего года.

Как неоднократно отмечала Венецианская комиссия, сочетание конституционной жалобы граждан с предварительными запросами общих судов в орган конституционного контроля является наиболее эффективным с точки зрения защиты прав человека.

Все эти меры будут способствовать всемерному раскрытию потенциала Основного Закона, укреплению гарантий защиты прав граждан и режима законности в стране, повышению доверия населения к государственным институтам.

Реализация конституционных новелл требует принятия более 20 конституционных и иных законов. Уполномоченные государственные органы уже начали эту работу.

Кокотов Александр Николаевич,
судья Конституционного Суда
Российской Федерации, заслуженный
юрист Российской Федерации, д.ю. н.,
профессор

Конституционный Суд России как Суд по правам человека

В статье раскрыты разные подходы к вопросу о возможности и необходимости создания в стране особого суда по правам человека. Приведены доводы в обоснование нецелесообразности такого решения. Показаны альтернативные этому решению способы усиления правозащитной направленности судебной системы страны. Один из них – расширенное использование возможностей Конституционного Суда России по обеспечению конституционализации судебной практики, в том числе в части оценки им фактов судебного правоприменения.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, суд по правам человека, Конституционный Суд, Верховный Суд, судебные решения, индивидуальные акты, судебная практика

10 декабря 2020 года в День прав человека Президент РФ В. В. Путин провел заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ). На этом заседании один из выступавших предложил в качестве усиления правозащитной направленности судов наряду с иными мерами создать «российский суд по правам человека», впрочем, не дав своему предложению необходимого обоснования. В. В. Путин высказался за проверку необходимости для страны данной меры¹. В перечне его поручений разным органам власти, подготовленном по итогам названного заседания, содержалось указание рассмотреть в срок до 1 июня 2021 года вопрос о целесообразности создания российского суда по правам человека².

Председатель СПЧ В. Фадеев, поясняя предложение по созданию суда по правам человека, заметил, что это пока даже не идея, а лишь набросок идеи³. Проработка данного предложения в рамках выполнения поручения Президента РФ показала, что его осуществление в настоящее время нецелесообразно. Вместе с тем, обсуждение этого предложения в рамках вариантов возможных будущих трансформаций судебной системы страны, прежде всего в более широком контексте развития ее правозащитной направленности, весьма полезно. Важный аспект данной темы – поиск оптимальной модели конституционализации судебной практики, в том числе проблематика проверки конституционности фактов судебного правоприменения.

Так депутат Государственной Думы М. Емельянов увидел в предложении учреждения российского суда по правам человека насущную по времени цель создания российского аналога Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). С его точки зрения, судебная защита в этой области у нас монополизирована ЕСПЧ,

¹ См.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64638> (дата обращения 25.12.2020 года).

² См.: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (дата обращения 21.12.2021 года)

³ См.: Жуков В. Как составить конкуренцию ЕСПЧ? / Адвокатская газета. 2020. 22 декабря.

зачастую принимающего политически мотивированные решения под давлением сил, враждебных России. По его мнению, учреждение суда по правам человека требует внесения в Конституцию России двух поправок. Этот институт должен быть там упомянут, а также прописано, что его деятельность регулируется федеральным конституционным законом⁴.

Попытка учредить в России суд по правам человека вместо ЕСПЧ подпитывается подходом, согласно которому (в его изложении политологом А. Раром) за последние тридцать лет ЕСПЧ и ОБСЕ превратились в некую инквизицию Запада по отношению к так называемым «варварам» Восточной Европы⁵.

Учреждение российского суда по правам человека поддержал бывший председатель СПЧ М. Федотов. Он отметил, что данный суд может стать эффективным органом, рассматривающим жалобы на судебные решения и нормативные акты. Этот суд будет проверять нарушения главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции России. При этом М. Федотов не думает, что названный суд заменит ЕСПЧ, поскольку последний рассматривает жалобы граждан с точки зрения соблюдения государствами Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в Риме 4 ноября 1950 года, а не Конституции России⁶.

За учреждение в России суда по правам человека, если он не станет заменой ЕСПЧ, высказался Е. Бобров. Вместе с тем, ему близка неоднократно высказывавшаяся ранее в разных вариантах идея создания Евроазиатского суда по правам человека. Создание подобного суда требует разведения его полномочий с полномочиями ЕСПЧ. В связи с этим главный акцент в деятельности нового суда, по мысли Е. Боброва, можно сделать на защите социальных прав, занимающих не такое большое место в практике ЕСПЧ⁷.

С. Пашин полагает, что вместо создания особого суда по правам человека в России следовало бы усиливать правозащитную составляющую деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Вместе с тем, он не против учреждения Суда по правам человека в рамках СНГ⁸.

Учреждение суда по правам человека как наднационального органа на евроазиатском пространстве, к примеру, в рамках СНГ, вряд ли перспективно. Так видится несостоятельной попытка найти ему специализацию по отношению к ЕСПЧ с тем, чтобы эти наднациональные суды дополняли друг друга. Специализация Евроазиатского суда на защите социальных прав, над чем предлагает подумать Е. Бобров, будет означать распространение на Россию юрисдикции нового наднационального суда, деятельность которого потребует существенных материально-финансовых вливаний из российского бюджета не только на сам суд, но и на обеспечение исполнения его решений в силу затратности судебной защиты социально-экономических прав.

При этом вполне вероятно, что работа названного суда в значительной мере сведется к защите прав трудовых мигрантов в России. Это важный вопрос. Однако его решение должно оставаться в дискреции российской власти и властей других евроазиатских государств. Решение данного вопроса предполагает взаимодействие евроазиатских государств, в том числе в рамках их совместных наднациональных структур, но не правозащитного наднационального суда.

Определенные наработки имеются также по вопросу учреждения азиатскими странами Азиатского суда по правам человека (АСПЧ). Идея его создания была, в

⁴ См.: Лару Д., Башлыкова Н. Права и человек: в России может появиться аналог ЕСПЧ / Известия. 2020. 10 декабря.

⁵ См.: Машковский В. Замена ЕСПЧ? Зачем России собственный суд по правам человека / Национальная служба новостей. 2020. 10 декабря.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ См.: Гомзикова С. У ЕСПЧ может появиться конкурент в России / Свободная пресса. 2020. 12 декабря.

частности, отражена в Сеульском коммюнике от 30 сентября 2014 года Всемирной конференции по конституционному правосудию. Для России как страны не только европейской, но и азиатской не исключено участие в учреждении подобного суда. Но возможности движения в данном направлении весьма неопределённые. В любом случае распространение Россией на себя юрисдикции то одних, то других наднациональных правозащитных судов трудно назвать продуманной стратегией, отвечающей нашим национальным интересам.

Учреждение в России суда по правам человека предполагает наделение его статусом высшего судебного органа. Однако в таком случае его полномочия должны быть соотнесены с полномочиями Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Поскольку очевидно, что этот суд должен стать высшей судебной инстанцией по вопросам защиты конституционных прав и свобод, то он выступает аналогом не только и не столько ЕСПЧ, сколько Конституционного Суда РФ. При определенной его конфигурации он объективно нацелен на вытеснение из правового пространства страны не только ЕСПЧ, но и Конституционного Суда. Ведь главное предназначение последнего – защита конституционных прав и свобод людей.

11 декабря 2020 года, то есть на следующий день после упомянутой встречи Президента РФ В. В. Путина с членами СПЧ, состоялась его встреча с председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным. Показательно, что на этой встрече В. Д. Зорькин обратил внимание на то, что Конституционный Суд проверяет конституционность законов на благо граждан, прежде всего при рассмотрении их жалоб. В этом смысле, подчеркнул он, мы являемся Конституционным Судом по правам человека⁹. Следовательно, в стране уже существует суд по правам человека, что не исключает усиления его правозащитного потенциала, как и судебной системы в целом.

Вполне возможно, что появление предложений по учреждению в России отдельного суда по правам человека исходит из того, что Конституционный Суд в настоящее время не наделен полномочиями по проверке в целях защиты конституционных прав и свобод решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов по конкретным делам. Его основное предназначение – осуществление конституционного контроля нормативных актов, а не оценка конституционности судебных актов и фактов правоприменения. (Исключением из этого общего правила являются участие Конституционного Суда в процедурах отрешения от должности Президента РФ, лишения неприкосновенности прекратившего исполнение своих полномочий Президента РФ, а в некоторых случаях – рассмотрение им дел о возможности исполнения в России решений межгосударственных органов и о предварительной проверке законов или законопроектов по порядку их принятия).

Д. Кравченко справедливо отмечает, что пока в России нет органа, который прямо рассматривал бы правомерность правоотношений и судебных решений с точки зрения их соответствия Конституции России (по модели ЕСПЧ). С целью исправления такого положения, как он полагает, можно было бы наделить Конституционный Суд полномочиями по проверке правомерности судебных решений по конкретным делам или создать для этого отдельный институт. Хотя первый вариант предпочтительней в связи с наличием у Конституционного Суда большого опыта и кадров¹⁰.

Модель, наделяющая орган конституционного контроля статусом вышестоящей судебной инстанции по отношению к иным судам в области защиты конституционных прав и свобод, используется, например, в Боснии и Герцеговине, Германии, Испании, Перу, ряде иных стран. Данная модель конституционализации судебной практики предполагает проверку органом конституционного контроля

⁹ См.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64647> (дата обращения 25.12.2020 года).

¹⁰ См.: Кравченко Д. Нам нужен «Российский Европейский суд» // Новая адвокатская газета. 2015. 23 декабря.

конституционности фактов правоприменения, на которых основываются судебные решения по конкретным делам. Наделение Конституционного Суда РФ таким полномочием может стать насущным для обсуждения вопросом в случае вынужденного выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ.

Однако вряд ли такой шаг является необходимым для современной судебной системы страны. Надо видеть, что он обладает и определенным деструктивным эффектом, поскольку может повлечь усиление ненужных противоречий между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. Дело в том, что конституционный аспект судебного правоприменения в том или ином виде и объеме присутствует во всех судебных делах и принимаемых в процессе их рассмотрения решениях. Поэтому наделение Конституционного Суда РФ статусом высшей судебной инстанции по вопросам проверки соответствия решений иных судов конституционным положениям о правах и свободах объективно подталкивает его к фактическому занятию ниши высшей судебной инстанции в рамках осуществления не только конституционного, но также гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. То есть той ниши, которую в силу статьи 126 Конституции РФ занимает Верховный Суд РФ. Кроме того, такой шаг приведет к резкому росту нагрузки на Конституционный Суд РФ. Это задается значительным объемом судебных дел, рассматриваемых разными судами страны. Как следствие, у него снизится возможность для эффективного осуществления своего главного предназначения – проверки конституционности нормативных актов.

Еще одна мера, обеспечивающая конституционность судебной практики – наделение Верховного Суда РФ полномочием по оценке решений иных судов как соответствующих или не соответствующих Конституции. Такая квалификация будет иметь значение обязательной и окончательной, поскольку Конституционный Суд РФ не наделен аналогичным полномочием. Указанная мера превратит Верховный Суд РФ в орган, который не просто применяет конституционные положения (что крайне важно), а самостоятельно осуществляет высший конституционно-судебный контроль. Вписывается ли этот вариант в действующую Конституцию России? Очевидно, что она не наделяет Верховный Суд РФ полномочием по проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов. Как указал Конституционный Суд РФ – это его исключительное полномочие¹¹. Но допускает ли Конституция России квалификацию Верховным Судом РФ рассматриваемых им судебных решений, опорных для них правоприменительных фактов как соответствующих или не соответствующих Конституции, в частности, ее положениям о правах и свободах?

Данный вопрос не имеет однозначного ответа. Этот вариант, предполагающий децентрализацию конституционного контроля в стране, нельзя исключать что называется «с порога». В мире имеются примеры похожей децентрализации. Так во Франции конституционность законов проверяет Конституционный Совет, а конституционность регламентарных актов – Государственный Совет. Вместе с тем, серьезным минусом названного варианта, предполагающего введение в оборот конституционно-судебных позиций не только Конституционным Судом РФ, но и Верховным Судом РФ, является то, что он допускает разрыв единства конституционно-судебной практики и конкуренцию конституционно-судебных позиций названных судов, что неприемлемо с конституционной точки зрения.

Дело в том, что Конституционный Суд РФ зачастую оценивает конституционность оспоренных правовых актов не только самих по себе, но и по смыслу, придаваемому им судебной практикой. В итоге одна и та же позиция, заложенная в решениях судов общей юрисдикции или арбитражных судов,

¹¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 года № 19-П // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

становится предметом проверки на соответствие ее конституционным нормам со стороны Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Следует отметить, что ранее с целью обеспечения единства конституционно-судебной практики законодатель пошел на упразднение палат в Конституционном Суде РФ. Кроме того, указанный разрыв может усугубить то, что в рамках Верховного Суда РФ возможная проверка судебных решений на предмет их соответствия конституционным нормам о правах и свободах будет осуществляться разными коллегиями и инстанциями.

Представляется, что в современных условиях усиление правозащитной направленности судебной системы страны не требует ее институциональной перестройки путем создания отдельного суда по правам человека и децентрализации высшего конституционно-судебного контроля. При этом действующее законодательство о Конституционном Суде предусматривает его право и обязанность вводить в предмет рассмотрения факты из судебной практики других судов, иные затрагивающие конституционные права граждан факты как значимый контекст для анализа проверяемого регулирования. В соответствии с частью четвертой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов. В то же время он вправе самостоятельно устанавливать и исследовать фактические обстоятельства при рассмотрении им конституционно-судебных дел¹². В конституционном судопроизводстве они обретают значение конституционно-судебных доказательств¹³. Более того, некоторые из них косвенно оказываются объектами конституционного контроля, что расширяет область последнего.

Так Конституционный Суд РФ прибегает к установлению и исследованию названных фактов не только как средству проверки допустимости поступивших обращений или уточнения предмета своего рассмотрения по ним, но и необходимым предпосылкам итоговых и иных выводов по рассматриваемым им делам. К этим фактам относятся, например, обстоятельства, подтверждающие, наличие сложившегося устойчивого толкования судами, иными субъектами проверяемого в конституционном судопроизводстве регулирования, даже если это толкование дано в решениях судов по одному делу. К их числу относятся обстоятельства, свидетельствующие о нарушении конституционных прав заявителей, иных лиц, о связанности оценки оспариваемого регулирования как конституционно приемлемого или неприемлемого определенными условиями его действия.

Относящиеся к таким фактам поступки, решения разных субъектов, не входящие прямо в предмет конституционно-судебного рассмотрения, могут попасть в поле косвенного воздействия конституционно-судебных выводов и стать объектом вытекающих из них оценок, даваемых Конституционным Судом. Так в Постановлении от 15 января 2002 года № 1-П Конституционный Суд, проверяя отдельные положения избирательного законодательства, пришел к выводу о том, что окружная избирательная комиссия и суды не обеспечили своевременную и эффективную защиту пассивного избирательного права заявителя, в результате чего он был неправомерно лишен возможности участвовать в выборах в качестве

¹² Об этом смотри, например: Тарибо Е. В. К вопросу об установлении и исследовании фактических обстоятельств в конституционном судопроизводстве (на примере налогообложения) // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 7-18; Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 103-104 (авторы комментария – Н. В. Витрук, О. И. Тиунов).

¹³ См.: Чирнинов А. М. Нельзя объять необъятное: предмет доказывания в конституционном судебном процессе (на примере России и США) // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3. С. 91-112; Он же. Нетипичные доказательства в конституционном судебном процессе России и США // Там же. 2018. № 3. С. 47-72.

кандидата в депутаты. В Постановлении от 9 июля 2021 года № 34-П Конституционный Суд дал оценку действий заявителя, отличающуюся от оценки суда, привлечшего последнего за их совершение к ответственности. Конституционный Суд, в частности, указал, что заявитель был привлечен к административной ответственности за валютную операцию с принадлежащими ему денежными средствами, которая, по сути, представляла собой вынужденную корректировку прерванной не по его вине первоначальной законной валютной операции. Причем решение о такой корректировке принято заявителем в условиях, когда на протяжении долгого времени он находился под угрозой потери своих денег или, по крайней мере, утраты на неясный срок контроля над ними в связи с действиями третьих лиц. В результате же привлечения к ответственности он был лишен большей части средств, участвовавших в валютной операции, притом что сама по себе законность владения ими не ставилась и не ставится под сомнение правоприменительными органами, а первоначальная валютная операция не была осуществлена уполномоченным банком по не зависящим от заявителя причинам и завершилась с учетом волеизъявления заявителя, но не в соответствии с изначально данными им указаниями.

В Постановлении от 26 октября 2021 года № 45-П Конституционный Суд, проанализировав судебные решения, вынесенные по делу заявителя, указал, что при рассмотрении его дела часть первая статьи 151 ГК Российской Федерации применена судами во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 того же Кодекса и истолкована как не предполагающая компенсацию морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния в качестве посягающего на имущественные права. При этом, как констатировал Конституционный Суд, судами не была дана оценка фактическим обстоятельствам дела с точки зрения установления самого факта причинения потерпевшему от указанного преступления физических или нравственных страданий. Подобное толкование, исключающее исследование по существу вопроса о том, был ли причинен заявителю в результате совершенного в отношении него преступления против собственности моральный вред (физические или нравственные страдания), расходится с действительными целями, которым должен был следовать федеральный законодатель при осуществлении в соответствии с конституционными предписаниями правового регулирования отношений в сфере защиты нематериальных благ, в том числе посредством такого способа защиты, как компенсация морального вреда.

В Определении от 27 января 2020 года № 7-О¹⁴ по жалобе К. Котова, лишённого свободы по приговору суда за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичных мероприятий, Конституционный Суд посчитал, что суд при вынесении приговора не проверил ряд значимых обстоятельств (был ли причиненный вред существенным и утратил ли несанкционированный митинг мирный характер). Конституционный Суд РФ признал, что наличие какого-либо из указанных обстоятельств и связанная с ними надлежащая оценка доказательств являются необходимым условием применения лишения свободы.

В данном деле Конституционный Суд оценил не данные об обстоятельствах места, времени, свойствах и качествах предметов, персон, а квалификации суда как выводное оценочное знание. Но это тоже факты по конкретному делу, хотя и особого рода. Конституционный Суд, разбирая обстоятельства дела заявителя, не проверял, утратило ли публичное мероприятие с его участием в силу его действий мирный характер. Однако он увидел, что в судебных решениях отсутствуют выводы на этот

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2020. № 5. Ст. 584.

счет, хотя это обязательный элемент применения оспоренного законоположения по его конституционно-правовому смыслу.

Подобные выводы и оценки Конституционного Суда во многом схожи с дачей Верховным Судом разъяснений судам по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства. По сути, о такой роли Конституционного Суда пишет Г. А. Гаджиев¹⁵. В последнее время эта роль становится в деятельности Конституционного Суда все более весомой, расширяя его воздействие на практику иных судов, усиливая общий правозащитный потенциал судебной системы страны. Этому способствует и новая редакция статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Она ввела пересмотр решений судов и иных органов, если они основаны на актах, признанных постановлением Конституционного Суда неконституционными (примененных в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом в постановлении истолкованием)¹⁶. Речь тут идет о пересмотре судебных решений не только по делам заявителей, инициировавших принятие Конституционным Судом РФ соответствующих постановлений, но и иных лиц¹⁷.

Литература

Гаджиев Г. А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. 2019. № 7.

Гомзикова С. У ЕСПЧ может появиться конкурент в России / Свободная пресса. 2020. 12 декабря.

Жуков В. Как составить конкуренцию ЕСПЧ? / Адвокатская газета. 2020. 22 декабря.

Ильин А. В. Пересмотр судебных актов на основании постановлений Конституционного Суда России // Закон. 2020. № 12. С. 40-60.

Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012.

Кравченко Д. Нам нужен «Российский Европейский суд» // Новая адвокатская газета. 2015. 23 декабря.

Лару Д., Башлыкова Н. Права и человек: в России может появиться аналог ЕСПЧ / Известия. 2020. 10 декабря.

Машковский В. Замена ЕСПЧ? Зачем России собственный суд по правам человека / Национальная служба новостей. 2020. 10 декабря.

Тарибо Е. В. К вопросу об установлении и исследовании фактических обстоятельств в конституционном судопроизводстве (на примере налогообложения) // Российский юридический журнал. 2010. № 1.

Чирнинов А. М. Нельзя объять необъятное: предмет доказывания в конституционном судебном процессе (на примере России и США) // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3.

Чирнинов А. М. Нетипичные доказательства в конституционном судебном процессе России и США // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3.

¹⁵ Гаджиев Г. А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. 2019. № 7. С. 56-64.

¹⁶ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ // Рос. газ. 2020. 11 ноября.

¹⁷ См.: Ильин А. В. Пересмотр судебных актов на основании постановлений Конституционного Суда России // Закон. 2020. № 12. С. 40-60.

ИМЕНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

О толковании некоторых положений статей 1134, 1146 и 1252
Гражданского кодекса Азербайджанской Республики

город Баку

24 февраля 2020 года

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой (судья-докладчик), Судабы Гасановой, Ровшана Исмаилова, Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Махира Мурадова, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева,

с участием секретаря суда Вугара Зейналова,

представителей заинтересованных субъектов – судьи Верховного Суда Азербайджанской Республики Ильгара Дамирова и главного консультанта отдела экономического законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Фарида Гаджиева,

эксперта – доктора философии по праву, доцента Багира Асадова,

специалиста – судьи Бакинского апелляционного суда Икрама Широнова

в соответствии с частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики на основании обращения Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке особого конституционного производства конституционное дело о толковании некоторых положений статей 1134, 1146 и 1252 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики.

Заслушав доклад судьи С.Салмановой по делу, выступления представителей заинтересованных субъектов и специалиста, мнение эксперта, изучив и обсудив материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

установил:

Гражданская коллегия Верховного Суда Азербайджанской Республики (далее – Гражданская коллегия Верховного суда), обратившись в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – Конституционный Суд), просила дать толкование статей 1134, 1146 и 1252 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики (далее – Гражданский кодекс) для правильного применения предусмотренной в статье 1252 данного кодекса правовой нормы, связанной с наследственной трансмиссией.

Как видно из обращения, Ю.Салахов, обратившись в Ясамальский районный суд города Баку с исковым заявлением против ответчиков – А.Акперова и Нотариальной конторы за номером 53 города Баку, просил принять решение об установлении факта принятия им в качестве наследственного имущества квартир – номер 43 по адресу: город Баку, улица З.Халилова, дом 35а и номер 73 по адресу: город Баку, улица 20 Января, дом 40, оставшихся в наследство от покойной дочери Л.Салаховой, установлении в размере $\frac{1}{2}$ части данных квартир его наследственной доли, в размере $\frac{1}{2}$ – наследственной доли Ю.Акперова и выдаче в связи с этим свидетельства о праве на наследство.

Одновременно А.Акперов и Ю.Акперов (в качестве его законного представителя – А.Акперов), подав встречное исковое заявление против ответчиков – Ю.Салахова и Нотариальной конторы за номером 53 города Баку, просили принять решение о выдаче свидетельства о праве на наследство с признанием права А.Акперова на 5/12, Ю.Салахова – на 2/12 и Ю.Акперова – на 5/12 части квартиры номер 43 по адресу: город Баку, улица З.Халилова, дом 35а и выдаче свидетельства о праве на наследство с признанием права А.Акперова на 1/6, Ю.Салахова – на 2/6 и Ю.Акперова – на 3/6 части квартиры номер 73 по адресу: город Баку, улица 20 Января, дом 40.

Решением Ясамальского районного суда города Баку от 15 февраля 2019 года первоначальный и встречный иски были частично удовлетворены, установлен факт принятия Ю.Салаховым имущества, оставшегося в наследство от Л.Салаховой, постановлено установить доли Ю.Акперова в размере 3/6, Ю.Салахова – в размере 2/6 и А.Акперова – в размере 1/6 части каждой из квартир – номер 43 по адресу: город Баку, улица З.Халилова, дом 35а и номер 73 по адресу: город Баку, улица 20 Января, дом 40 и возложить на Нотариальную контору за номером 53 города Баку обязанность по выдаче свидетельства о праве на наследство в соответствии с их долями.

Решением Гражданской коллегии Бакинского апелляционного суда от 20 июня 2019 года решение суда первой инстанции было оставлено без изменения.

Несогласный с данным решением Ю.Салахов подал кассационную жалобу в Гражданскую коллегию Верховного суда.

Гражданская коллегия Верховного Суда, придя к выводу о необходимости толкования статей 1134, 1146 и 1252 Гражданского кодекса для правильного разрешения гражданского дела, приняла определение об обращении в Конституционный суд от 24 декабря 2019 года.

Из находящихся в материалах дела свидетельств о смерти от 9 августа 2016 года и 10 августа 2016 года видно, что Л.Салахова и А.Акперов скончались 5 августа 2016 года. Наследодатели, являясь, супругами, скончались в один день, но в разное время.

Так, как видно из экспертного заключения Научно-практического и учебного объединения “Судебно-медицинская экспертиза и патологическая анатомия” Министерства здравоохранения Азербайджанской Республики от 23 августа 2016 года, Л.Салахова 5 августа 2016 года скончалась в машине скорой медицинской помощи по дороге в Центральную больницу Кюрдамирского района, а ее муж – А.Акперов был доставлен в Центральную больницу Кюрдамирского района около 12:20 и скончался в тот же день в 14:30.

В обращении указано, что согласно статье 1134.1 Гражданского кодекса, при наследовании по закону наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя, а также дети наследодателя, родившиеся после его смерти. На основании статьи 1252 данного кодекса, в случае смерти наследника после открытия, но до принятия наследства право на получение доли наследства переходит к его наследникам (наследственная трансмиссия).

Согласно выводу Гражданской коллегии Верховного Суда, вопрос, вызывающий неопределенность в регулировании отношений, связанных с наследством, заключается в том, что, тогда как в статье 1146 Гражданского кодекса временем открытия наследства признается день смерти наследодателя, статьей 1134.1 данного кодекса закреплено, что наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя. Обратившийся отмечает, что фактор времени, представляющий важное значение в разрешении вопросов, связанных с наследством, установлен в статье 1146 Гражданского кодекса как “день смерти наследодателя”, а в статье 1134 как “момент смерти наследодателя”. Это

приводит к возникновению неопределенности в применении наследственной трансмиссии, предусмотренной в статье 1252 Гражданского кодекса.

Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить в связи с обращением следующее.

На основании части VII статьи 29 Конституции Азербайджанской Республики, государство гарантирует право наследования.

Гарантия права наследования предусматривает оставление наследства, то есть, с одной стороны, возможность составить завещание, а с другой, – принять наследство в качестве наследника и владеть им. Наследственные отношения возникают между наследодателем и наследниками на основаниях, предусмотренных законом, или же по завещанию, основанному на воле наследодателя.

Под наследованием подразумевается возможность передачи другим лицам имущественных прав (наследственный актив) и обязанностей (наследственный пассив) физического лица, которые после его смерти могут быть переданы данным лицам. Смерть лица не является причиной прекращения имущественных и некоторых личных неимущественных прав и обязанностей, напротив, они переходят к другим лицам в порядке, указанном в правовых нормах, регулирующих наследственные отношения.

На основании статьи 1133 Гражданского кодекса, имущество умершего лица (наследодателя) переходит к другим лицам (наследникам) в силу закона либо завещания, либо по обоим основаниям. Наследование по закону (переход имущества умершего к лицам, указанным в законе) наступает в том случае, если наследодатель не оставит завещания либо завещание полностью или частично признано недействительным.

Для возникновения наследственных отношений в первую очередь должен иметь место факт смерти наследодателя. В соответствии со статьей 1145 Гражданского кодекса наследство открывается со смертью физического лица либо с объявлением его судом умершим.

Согласно статье 25.2 Гражданского кодекса правоспособность физического лица возникает в момент его рождения и прекращается смертью. Моментом смерти признается прекращение деятельности мозга.

Момент смерти человека удостоверяет медицинский работник (врач, фельдшер), который выдает медицинское свидетельство о смерти с целью представления в органы регистрации (пункты 1-2 Инструкции о порядке выдачи “Медицинского свидетельства о смерти”, утвержденной приказом министра здравоохранения Азербайджанской Республики от 3 июля 2015 года номер 52, статья 39 Закона Азербайджанской Республики “Об охране здоровья населения”).

Факт смерти и дата (день) смерти физического лица подтверждается свидетельством о смерти (о биологической смерти), выданным органами государственной регистрации актов гражданского состояния.

Объявление лица умершим в судебном порядке по правовым последствиям приравнивается к факту смерти, днем смерти лица считается день вступления в законную силу решения суда (статья 41.3 Гражданского кодекса).

Следует учесть, что суд может признать днем смерти лица день его предполагаемой гибели (статья 41.4 Гражданского кодекса). В этом случае дата смерти в актовой записи о смерти является датой, записанной в решении суда.

Таким образом, смерть лица или объявление его умершим в судебном порядке, будучи основанием для открытия наследства, как правового акта, является основанием возникновения наследственных правоотношений.

Круг лиц, которые могут быть наследниками, определен статьей 1134 Гражданского кодекса. При наследовании по закону наследниками могут быть лица,

находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя, а также дети наследодателя, родившиеся после его смерти. При наследовании по завещанию наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя, а также зачатые при жизни и родившиеся после смерти наследодателя, независимо от того, являются ли они его детьми и являются ли юридическими лицами.

Определение круга наследников представляет важное значение при разрешении вопроса, связанного с наследственной трансмиссией. На основании статьи 1252 Гражданского кодекса, в случае смерти наследника после открытия, но до принятия наследства право на получение доли наследства переходит к его наследникам (наследственная трансмиссия). Наследники умершего наследника должны принять наследство в течение времени, оставшегося до окончания срока для его принятия. Если этот срок составляет менее трех месяцев, он должен быть продлен до трех месяцев.

В наследственном праве под трансмиссией подразумевается переход после открытия наследства права наследника (трансмиттента), не успевшего принять наследство по причине смерти, на принятие наследства к его наследникам (трансмиссарам). То есть, если наследник по завещанию или по закону, умер после открытия наследства, не успев принять его в срок, установленный законодательством для принятия наследства, то право на принятие наследства не аннулируется, а переходит к наследникам умершего наследника. При этом применяется презумпция существования у наследника, умершего не приняв наследство, намерения принять имущество, наследство наследодателя, пока не доказано иное.

Следует отметить, что согласно правовой позиции, сформированной Пленумом Конституционного Суда, согласно логике принципа семейного благополучия, право распоряжения имуществом (определенной частью имущества), принадлежащим собственнику при жизни, после его смерти должно принадлежать близким членам его семьи. При наследовании по закону этот принцип проявляет себя в правилах очередности, наследственной трансмиссии и служит получению наследства кругом наиболее близких лиц (Постановление “О проверке соответствия статьи 1193 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики частям I и II статьи 13, частям I, II и III статьи 29 Конституции Азербайджанской Республики” от 20 октября 2011 года).

Для изучения поставленного в обращении вопроса Пленум Конституционного Суда считает необходимым внести ясность в положение “момент”, предусмотренное в статье 1134 Гражданского кодекса.

Слово “момент” употребляется в различных значениях: 1) место, пространство; 2) время, промежуток времени, момент, срок; 3) должность, звание, положение; 4) состояние, ситуация. В этом контексте предусмотренное в статье 1134.1 Гражданского кодекса положение “лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя”, устанавливающее круг лиц, которые могут быть наследниками, следует понимать в значении наследников, находящихся в живых к моменту смерти наследодателя. Точный момент смерти наследодателя должен быть установлен и для определения его наследников. Данный момент представляет важное значение в разрешении вопроса, связанного с наследственной трансмиссией. Так, если наследник, находившийся в живых к моменту смерти наследодателя, умер до принятия наследства, не воспользовавшись правом наследования, то право последнего на получение доли из наследства переходит к его наследникам. В случае, если установить момент смерти не представляется возможным, лица, умершие в один день и обладающие правом наследования один после другого, должны считаться умершими одновременно, они не могут являться

наследниками друг друга, невозможно также применение наследственной трансмиссии в соответствии с содержанием статьи 1134.1 Гражданского кодекса. Для каждого из наследодателей, признанных умершими одновременно, открывается отдельное наследство, и их наследники призываются к наследству в соответствующем порядке.

Следует отметить, что если сослаться на римское право, то в гражданском праве лица, умершие одновременно, именуются коморриентами, они не могут являться наследниками друг друга. Коморриентами признаются лица, умершие в один день, вне зависимости от того, наступила ли смерть в результате одного и того же происшествия (землетрясение, наводнение и пр.) или по разным причинам, момент смерти которых установить невозможно, они не могут выступать в качестве наследников друг друга.

Таким образом с точки зрения сути и содержания норм наследственного права слово “момент” в статье 1134.1 Гражданского кодекса выражает конкретный момент как показатель времени.

Время открытия наследства установлено статьей 1146 Гражданского кодекса. На основании данной статьи, временем открытия наследства признается день смерти наследодателя либо день вступления в силу решения суда об объявлении физического лица умершим.

Следует отметить, что осуществление и защита гражданских прав тесно связаны с категорией времени (промежутка времени). Наличие гражданских прав, защита нарушенных прав и гражданско-правовые последствия ограничиваются именно категорией времени (промежутка времени). Сроки играют важную роль в правовом регулировании имущественных и неимущественных отношений.

В гражданском праве под сроком подразумевается момент времени или промежуток (отрезок) времени, с которым связаны возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений (гражданских прав и обязанностей).

В соответствии со статьей 367 главы XVII Гражданского кодекса, именуемой “Исчисление сроков”, сроком является время, с которым связаны возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Установленный сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить.

Течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которым определено его начало (статья 368 Гражданского кодекса).

Взаимосвязанный анализ статей 368 и 1146 Гражданского кодекса свидетельствует о том, что статья 1146 данного кодекса предусматривает особый порядок начала срока. Временем открытия наследства признается день смерти наследодателя либо день вступления в силу решения суда об объявлении физического лица умершим.

Таким образом понятие “день”, предусмотренное в статье 1146 Гражданского кодекса, регулирующей время открытия наследства, следует воспринимать не в смысле двадцатичетырехчасовых суток, исчисляемых с момента смерти наследодателя, а как день, календарная дата, когда наступила смерть наследодателя. День смерти наследодателя, как календарная дата, выступает в качестве важного критерия для разрешения ряда вопросов, предусмотренных в законодательстве, связанном с наследованием. Именно с этой даты начинается течение срока, предусмотренного в законодательстве для принятия наследства, принятое наследство со дня его открытия признается собственностью наследника, а также свидетельство о наследовании выдается наследникам в любое время по

истечении шести месяцев со дня открытия наследства (статьи 1246, 1255 и 1322 Гражданского кодекса). При разрешении отмеченных вопросов датой открытия наследства считается день смерти наследодателя, как календарная дата, и течение установленных в законодательстве сроков исчисляется, начиная с этой календарной даты.

На основании вышеуказанного Пленум Конституционного Суда приходит к следующим выводам:

- в соответствии со статьями 1134, 1145 и 1146 Гражданского кодекса, наследство открывается со смертью физического лица либо с объявлением его судом умершим в день смерти наследодателя, либо в день вступления в силу решения суда об объявлении его умершим, при этом наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя;

- для применения наследственной трансмиссии в связи с лицами, умершими в один день и обладавшими правом наследования друг после друга, точно устанавливается момент смерти наследодателя, после чего умершее лицо признается наследником лица, умершего раньше него. Если установить данный момент не представляется возможным, то лица, умершие в один день, считаются лицами, умершими одновременно с точки зрения правопреемства, для каждого из них в отдельности открывается наследство и применение наследственной трансмиссии исключается.

Руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном суде”, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

постановил:

1. В соответствии со статьями 1134, 1145 и 1146 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, наследство открывается со смертью физического лица либо с объявлением его судом умершим в день смерти наследодателя, либо в день вступления в силу решения суда об объявлении его умершим, при этом наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя.

2. Для применения наследственной трансмиссии в связи с лицами, умершими в один день и обладавшими правом наследования друг после друга, точно устанавливается момент смерти наследодателя, после чего умершее лицо признается наследником лица, умершего раньше него. Если установить данный момент не представляется возможным, то лица, умершие в один день, считаются лицами, умершими одновременно с точки зрения правопреемства, для каждого из них в отдельности открывается наследство и применение наследственной трансмиссии исключается.

3. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

4. Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и “Вестнике Конституционного суда Азербайджанской Республики”.

5. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

ИМЕНИЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

О толковании статьи 2.1.2.6 Закона Азербайджанской Республики
“О страховании вкладов” с точки зрения статей 47 и 48 Закона
Азербайджанской Республики “О банках”

город Баку

10 августа 2020 года

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой, Судабы Гасановой, Ровшана Исмаилова, Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Махира Мурадова, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева (судья-докладчик),

с участием секретаря суда Фараида Алиева,
в соответствии с частью IV статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 27.2 и 32 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном суде” и статьей 39 Внутреннего устава Конституционного суда Азербайджанской Республики, на основании запроса Кабинета Министров Азербайджанской Республики рассмотрел в судебном заседании в порядке письменной процедуры особого конституционного производства конституционное дело о толковании статьи 2.1.2.6 Закона Азербайджанской Республики “О страховании вкладов” с точки зрения статей 47 и 48 Закона Азербайджанской Республики “О банках”.

Заслушав доклад судьи К. Шафиева по делу, изучив и обсудив письменное заключение представителей заинтересованных субъектов – председателя Центрального банка Азербайджанской Республики Э.Рустамова, исполнительного директора Фонда страхования вкладов Т.Пириева, заведующего отделом экономического и социального законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики М.Базыгова и специалиста – президента Ассоциации банков Азербайджана З.Нуриева, а также материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

установил:

Кабинет Министров Азербайджанской Республики, обратившись с запросом в Конституционный суд Азербайджанской Республики (далее-Конституционный Суд), просил дать толкование статьи 2.1.2.6 Закона Азербайджанской Республики “О страховании вкладов” (“далее – Закон” О страховании вкладов”), в отношении того, считаются ли защищенными вклады, отнесенные к незащищенным вкладам (депозитам) путем изменения даты привлечения защищенных вкладов и вклады, принятые в период запрета на принятие срочных вкладов от физических лиц, после применения Центральным банком Азербайджанской Республики (далее-Центральный банк) и Палатой по надзору за финансовыми рынками Азербайджанской Республики (далее – Палата) корректирующих мер, а также вклады, отнесенные к статусу защищенных вкладов (депозитов) путем увеличения объема защищенных вкладов, осуществления операций или заключения сделок по изменению условий существующих вкладов (депозитов).

В запросе указано, что на основании письма Центрального банка от 29 апреля

2020 года, в Открытом акционерном обществе “Atabank” (далее ОАО “Atabank”), Открытом акционерном обществе “NBCBank” (далее ОАО “NBCBank”), и Открытом акционерном обществе “AGBank”(далее ОАО “AGBank”), произошел страховой случай на основании решения Административной коллегии Бакинского апелляционного суда от 30 апреля 2020 года, ОАО “Atabank”, ОАО “NBC Bank” и ОАО “AGBank” были объявлены банкротами и Фонд страхования вкладов (далее – Фонд) назначен ликвидатором этих банков.

В ходе приема-сдачи реестра обязательств ОАО “Atabank” перед вкладчиками с целью выплаты им компенсации в связи с наступлением страхового случая в банке, было установлено, что депозиты 283 клиентов, являющиеся защищенными вкладами, были ошибочно зарегистрированы как незащищенные вклады. Так, во время миграции филиалов ОАО “Atabank”, вместо дат, указанных в договорах вклада, ошибочно были отмечены даты миграции. Тем самым данные вклады были отражены в “Реестре учета обязательств ОАО “Atabank”, находящегося в процессе ликвидации”, перед вкладчиками, как незащищенные.

Запросодатель также отмечает, что несмотря на применение в ОАО “Atabank”, ОАО NBCBank” и ОАО “AGBank” корректирующих мер, банки принимали вклады в период запрета на принятие срочных вкладов от физических лиц, а также установлены случаи увеличения объема защищенных вкладов, отнесения существующих вкладов (депозитов) к статусу защищенных вкладов путем осуществления операций по изменению условий или заключению сделок. В данных реестрах, предоставленных Фонду с целью выплаты компенсаций, эти вклады, статус которых был изменен после корректирующих мер, указаны как защищенные.

В связи с запросом Пленум Конституционного Суда отмечает следующее.

В соответствии с частью I статьи 12 Конституции Азербайджанской Республики (далее – Конституция) обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики – высшая цель государства.

Исходя из указанной статьи Конституции, Пленум Конституционного Суда для полного и детального рассмотрения вопроса, поставленного в запросе, считает целесообразным внести ясность в некоторые положения Закона Азербайджанской Республики “О банках” (далее – Закон “О банках”) и Закона “О страховании вкладов”.

Цель создания системы страхования вкладов заключается в предотвращении риска потери денежных средств, принятых у физических лиц на хранение, в случае утраты банками и местными филиалами иностранных банков платежеспособности и обеспечении стабильности и развития финансовой и банковской системы.

В целях обеспечения возврата банковских вкладов законодатель принял Закон “О страховании вкладов” от 29 декабря 2006 года, предусматривающий выплату компенсации по вкладам при наступлении страхового случая. Для защиты прав и законных интересов банковских вкладчиков, стимулирования привлечения вкладов населения в банковскую систему, укрепления доверия к ней, обеспечения функционирования системы обязательного страхования вкладов физических лиц Указом Президента Азербайджанской Республики от 9 февраля 2007 года создан Фонд страхования вкладов.

В Постановлении Пленума Конституционного Суда от 6 июля 2017 года “О проверке соответствия статьи 27.3 Закона Азербайджанской Республики “О страховании вкладов” части I статьи 13, частям I, II и III статьи 29, частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики” указано, что при наступлении страхового случая выплата Фондом компенсации по вкладу застрахованному в каждом банке– участнике не должно означать возврата банковского вклада или принятия Фондом на себя обязательства банка. Компенсация выплачивается Фондом в качестве возмещения возможных ограничений с целью предотвращения

риска потери вкладчиком денежных средств. Так что, основная цель Фонда заключается не в возврате вложенных сбережений как собственности, а в оказании поддержки развитию финансово банковской системы страны путем страхования вкладов вкладчиков в банках и компенсации, таким образом, в самый короткий срок в установленном законодательством порядке материального и морального ущерба, который может быть причинен.

Закон “О страховании вкладов” определяет правила создания и действия системы коллективного обязательного страхования вкладов физических лиц, а также выплаты компенсаций по вкладам в банках, осуществляющих деятельность в Азербайджанской Республике.

На основании статьи 2.1.2.6 данного закона вклады, которые были приняты с годовой процентной ставкой, превышающей предел, установленный в соответствии со статьей 8.1.20 настоящего Закона, ко дню привлечения относятся к незащищенным вкладам. В статье 8.1.20 Закона указано, что Попечительский совет Фонда по согласованию с органом по надзору за финансовыми рынками и Центральным банком Азербайджанской Республики устанавливает верхний предел годовой процентной ставки по защищенным вкладам.

В соответствии со статьей 47.1 закона “О банках”, при установлении допущения банком нарушения пруденциальных нормативов и требований, осуществления деятельности с нарушением требований данного Закона, Закона Азербайджанской Республики “О противодействии легализации денежных средств или другого имущества, полученного преступным путем, и финансированию терроризма” и актов нормативного характера органа по надзору за финансовыми рынками, нарушения ограничений, включенных в выданные органом надзора за финансовыми рынками лицензию и разрешение, либо выявлении оснований, которые могут привести к подобным нарушениям, орган надзора за финансовыми рынками в праве, в зависимости от характера нарушения, применить к банку меры воздействия.

Согласно статье 47.4 данного закона, в обязательном для исполнения банком распоряжении органа по надзору за финансовыми рынками, банку дается письменное указание о сроках принятия корректирующих мер, указанных в статье 48 данного Закона, и устранения недостатков. При применении корректирующих мер, направленных на оздоровление финансового состояния банка, банк в течение двух недель представляет в орган по надзору за финансовыми рынками план осуществления мероприятия в соответствии с отданным распоряжением.

Понятие корректирования включает в себя внесение поправок и исправление. Корректирующая мера, является пакетом мероприятий, направленных на реструктуризацию и восстановление банка, основная цель применения которых заключается в оздоровлении и улучшении финансового положения банков. Так, корректирующие меры, применяемые органом по надзору за финансовыми рынками к банкам, направлены на осуществление таких основных целей, как сохранение денежной и финансовой стабильности в банках, обеспечение эффективности банковской системы, защита интересов вкладчиков.

На основании статьи 48.1 Закона “О банках” орган по надзору за финансовым рынком для достижения этого может применять к банку некоторые корректирующие меры:

- осуществление банковских операций и заключение сделок с лицами, имеющими отношение к банку;
- прием депозитов;
- предоставление финансовых льгот и т. д.

В то же время следует отметить, что в статьях 13.2, 14.3, 21.4.4, 21.6, 22.3.2, 27.13 и 30.2 Закона “О страховании вкладов” также нашло отражение полномочие

органа по надзору за финансовыми рынками, связанное с приостановлением права банка– участника на привлечение вкладов. Основная цель законодателя здесь заключается в том, чтобы банк не смог создать для себя новые обязательства или не увеличил объем уже существующих обязательств.

Согласно требованию законодательства, орган по надзору за финансовыми рынками применив к банку корректирующие меры, не должен считать свою функцию завершенной, ему также следует осуществлять контроль за соблюдением банком этих мер.

Пленум Конституционного Суда в Постановлении от 5 сентября 2018 года “О толковании статьи 2.1.2.6 Закона Азербайджанской Республики “О страховании вкладов” также отметил, что согласно статье 43 Закона “О банках”, банки должны составлять отчеты, отражающие банковскую деятельность и финансовое состояние, в том числе годовые финансовые отчеты, и представлять их в Палату и Центральный Банк. В соответствии со статьей 44 данного Закона, финансовая деятельность банка ежегодно проходит проверку внешним аудитором. Внешний аудитор также подготавливает отчет и заключение о том, создает ли финансовый отчет банка полное и объективное представление о его финансовом состоянии, информирует о наносящих вред банку и известных ему незаконных действиях администратора или какого-либо сотрудника, а также недостатках в управлении или текущей деятельности.

На основании статьи 21.5 закона” О страховании вкладов” орган по надзору за финансовыми рынками, осуществляя функцию контроля за банками-участниками, проверяет состояние начисления выплачиваемых ими Фонду страховых взносов, ведения обобщенного учета вкладчиков, и в случае выявления невыполнения банками – участниками установленных настоящим Законом обязательств перед Фондом, отдает данному банку указание об устранении нарушений и выплате неправильно начисленных страховых взносов, и уведомляет об этом Фонд.

Пленум Конституционного Суда отмечает, что применяемые в отношении банков корректирующие меры, следует доводить до внимания общественности, что вкладчики должны иметь возможность получать информацию об этих мерах.

В соответствии со статьей 30.2 закона “О страховании вкладов” в случае приостановления права банка-участника на привлечение вкладов физических лиц орган по надзору за финансовыми рынками не позднее рабочего дня, следующего за датой принятия соответствующего решения, размещает в средствах массовой информации объявление и не позднее 3 рабочих дней публикует уведомление об этом.

На основании статьи 5.3 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики (далее – Гражданский кодекс) субъекты гражданских правоотношений обязаны добросовестно выполнять свои права и обязанности.

Гражданское законодательство, предоставляя участникам гражданского оборота свободу договора, исходит из вероятности их добросовестности в соответствии с общим принципом права (Постановление Пленума Конституционного Суда от 12 марта 2012 года “О толковании статей 14 Налогового кодекса Азербайджанской Республики и 390 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики”).

Пленум Конституционного Суда отмечает, что факт продолжения приема банками и филиалами банков вкладов от физических лиц в результате нарушения банками требований статей 47 и 48 Закона “О банках” и несоблюдения таким образом корректирующих мер в конечном счете не должен оказывать негативного влияния на защищаемые Конституцией и законами интересы и правовые ожидания добросовестных вкладчиков.

Учитывая вышеизложенное, Пленум Конституционного Суда, исходя из

действующего законодательства, считает, что в сложившейся ситуации, принятые вклады, а также вклады, объем которых увеличен и изменены их условия после применения корректирующих мер должны считаться защищенными вкладами.

Еще один вопрос, поставленный в запросе, связан с тем, что вместо дат заключения договоров вклада были указаны даты миграции.

Пленум Конституционного Суда отмечает, в связи с этим вопросом, что каждый независим в заключении договора, свобода договора является одним из основных принципов гражданского законодательства (статья 6 Гражданского кодекса). Данный принцип позволяет субъектам гражданского права самостоятельно, независимо от чьей-либо воли, заключать договоры по собственному усмотрению и желанию с учетом своих интересов.

Свобода договора, как один из основополагающих принципов гражданского законодательства, и составляющее его основу правовое равенство сторон, не исключают предоставления экономически слабой стороне (вкладчику) определенных гарантий и создают условия для обеспечения реального равноправия сторон по договору.

Отношения между банком и вкладчиками регулируются нормами главы 51 Гражданского кодекса и Законом "О банках".

На основании статьи 944.1 Гражданского кодекса по договору банковского вклада (депозита) одна сторона (банк), принявшая поступившую от другой стороны (вкладчика) или поступившую для другой стороны (вкладчика) денежную сумму (вклад), обязуется возвратить сумму вклада и выплатить проценты на нее на условиях и в порядке, предусмотренных договором.

Договор банковского вклада должен быть заключен в письменной форме. Письменная форма договора банковского вклада считается соблюденной, если внесение вклада удостоверено банковской книжкой, банковским или депозитным сертификатом либо иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренными для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота (ст. 946.1 Гражданского кодекса).

Точное определение момента заключения договора имеет большое значение для правильного регулирования гражданско-правовых отношений участников договора. Именно с момента заключения договора возникают конкретные права и обязанности сторон. Договор вступает в силу с момента его заключения и становится обязательным для сторон.

Договор банковского вклада считается заключенным с момента внесения вкладчиком вклада в банк, и у вкладчика возникает право на получение процентов по вкладу. Банк устанавливает процентные ставки по депозитной операции, а размер процентов, как правило, указывается в договоре банковского вклада. Так, на основании статьи 948.1 Гражданского кодекса банк выплачивает вкладчику проценты на сумму вклада в размере, определяемом договором банковского вклада.

Одной из основных обязанностей банка по договору банковского вклада является обеспечение возврата вкладов. Согласно статье 950.1 Гражданского кодекса, банки обязаны обеспечить возврат вкладов физических лиц путем обязательного страхования, а в предусмотренных законом случаях – иными способами.

Как видно из смысла указанных норм, для заключения договора вклада требуется подписание данного договора физическим лицом и уполномоченным лицом банка (если это – филиал банка, то руководителем филиала на основании выданной банком доверенности). С момента составления уполномоченными лицами банка приходного кассового ордера о принятии вклада от физического лица, заверенного соответствующей печатью банка, у банка возникает обязанность по

возврату вклада на основании статьи 947.2 Гражданского кодекса.

В то же время следует отметить, что в договорных отношениях стороны, обладая равными правами и обязанностями, исходят из общих сбалансированных интересов. С момента вступления в силу договор приобретает обязательный характер для сторон, а его условия, как правило, не меняются. Это обеспечивает стабильность, прочность и устойчивость гражданского оборота. В то же время гражданское законодательство предусматривает возможность изменения и расторжения договора в течение срока его действия. Основания изменения и расторжения договора регулируются нормами статей 421-424 Гражданского кодекса. На основании статьи 421.1 данного Кодекса, изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или договором.

Размещение вкладов, переданных физическими лицами банкам или филиалу банка, на счете, открытом на имя физического лица, внесение их в автоматизированную банковскую информационную систему банка и на баланс банка является обязанностью не физических лиц, а банка и возложение банком ответственности за неисполнение своих обязанностей на физических лиц и отказ в возврате вклада является необоснованным.

В результате нарушения должностными лицами банка или филиала банка банковских правил и злоупотребления своими полномочиями при приеме вклада, выявление таких обстоятельств как принятие за основу дату миграции (перевода в банк или другое отделение банка) вместо даты первоначального договора вклада, не внесение вклада на баланс банка, не указание в договоре вклада банковского счета физического лица, принадлежность банковского счета указанного в приходном кассовом ордере другому лицу, подтверждает ненадлежащее исполнение должностными лицами банка или филиала банка своих обязанностей должным образом и банк несет ответственность за неисполнение этих обязанностей в соответствии с требованиями статьи 1.0.1 закона “О банках”.

На основании статьи 945.2 Гражданского кодекса в случае принятия вклада от физического лица лицом, не имеющим на это права, или с нарушением порядка, установленного законом, или принятых в соответствии с законом банковских правил, вкладчик может потребовать немедленного возврата суммы вклада, а также уплаты на нее процентов и возмещения сверх суммы процентов всех причиненных вкладчику убытков.

Учитывая вышеуказанное, Пленум Конституционного Суда считает, что на основании вышеотмеченных норм гражданского законодательства, момент заключения договора вклада не следует считать датой миграции вклада.

Исходя из вышеуказанного, Пленум Конституционного Суда приходит к следующим выводам:

– Руководствуясь статьей 12 Конституции, на основании статьи 2.1.2.6 закона “О страховании вкладов”, статьей 47 и 48 Закона “О банках”, принятые вклады, а также вклады, объем которых увеличен и изменены их условия после применения корректирующих мер должны считаться защищенными вкладами.

– В соответствии со статьей 944.1 Гражданского кодекса, договор банковского вклада считается заключенным с момента передачи вкладчиком вклада банку и должен рассматриваться как первый (основной) договор. Дата миграции договора вклада не должна считаться датой заключения договора вклада.

Руководствуясь частью IV статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики и статьями 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном суде”, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

Руководствуясь статьей 12 Конституции Азербайджанской Республики, на основании статьи 2.1.2.6 Закона Азербайджанской Республики “О страховании вкладов”, статей 47 и 48 Закона Азербайджанской Республики “О банках”, принятые вклады, а также вклады, объем которых увеличен и изменены их условия после применения корректирующих мер считаются защищенными вкладами.

В соответствии со статьей 944.1 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики договор банковского вклада считается заключенным с момента передачи вкладчиком вклада банку и должен рассматриваться как первый (основной) договор. Дата миграции договора вклада не может считаться датой заключения договора вклада.

Постановление вступает в силу со дня опубликования.

Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и “Вестнике Конституционного суда Азербайджанской Республики”.

Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

РЕЗЮМЕ
решения Конституционного Суда Республики Беларусь
«О соответствии Конституции Республики Беларусь
Закона «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях»
от 27 декабря 2021 г. № Р-1289/2021

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях».

Нормами Закона совершенствуется правовое регулирование отношений в сфере осуществления инвестиций с целью создания благоприятного инвестиционного климата в государстве, сохранения стабильных условий для привлечения инвестиций в экономику Республики Беларусь, обеспечения гарантий, прав и законных интересов инвесторов, а также их равной защиты.

1. Статья 3 Закона «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) излагается в новой редакции, согласно которой отношения в сфере инвестиций регулируются законодательством в сфере инвестиций, а также международными договорами Республики Беларусь и международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза; законодательство в сфере инвестиций основывается на Конституции и состоит из данного Закона, законодательства о концессиях, о государственно-частном партнерстве и иных актов законодательства; если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены этим Законом, то применяются правила международного договора.

При проверке конституционности приведенных положений Закона Конституционный Суд учитывает правовую позицию, изложенную в решении от 7 мая 2018 г. № Р-1123/2018, заключающуюся в том, что наряду с актами внутригосударственного законодательства – законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента Республики Беларусь, подзаконными нормативными правовыми актами, международные договоры Республики Беларусь входят в систему действующего на территории Республики Беларусь правового регулирования, то есть их нормы являются составной частью действующего права.

Конституционный Суд считает, что такое законодательное регулирование согласуется с положениями Конституции, закрепляющими, что в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права, а государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (статья 7), Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства, Республика Беларусь в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них (статья 8), а также отвечает общепризнанному принципу международного права «договоры должны соблюдаться», закрепленному в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года и других международно-правовых актах.

2. Закон об инвестициях дополняется статьей 11-1, предусматривающей, что инвестору, заключившему инвестиционный договор с Республикой Беларусь, предоставляется гарантия от неблагоприятного изменения налогового законодательства в порядке и на условиях, определенных законодательными актами. При этом для целей данной статьи под неблагоприятными изменениями налогового законодательства понимаются повышение налоговых ставок и (или) введение новых налогов и сборов.

Указанная норма Закона, по мнению Конституционного Суда, обеспечивает возможность оказания экономической поддержки инвестору путем сохранения для него наилучшего правового режима в сфере налогообложения, что позволит повысить инвестиционную активность и заинтересованность инвестора во вложении своего капитала в экономику государства.

Конституционный Суд считает, что устанавливаемое Законом правовое регулирование свидетельствует о реализации вытекающего из части второй статьи 23 Конституции права законодателя устанавливать преимущества и привилегии для определенной категории лиц.

При этом Конституционный Суд отмечает, что законодателю при определении порядка и условий предоставления гарантии от неблагоприятного изменения налогового законодательства следует исходить как из публичных интересов государства, связанных с его экономической безопасностью, так и из частных интересов физических и юридических лиц для соблюдения соразмерности между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, а также обеспечения баланса конституционно защищаемых интересов.

3. Закон об инвестициях дополняется статьей 12-1, предусматривающей, что компенсация стоимости национализированного или реквизируемого имущества, являющегося инвестициями или образуемого в результате осуществления инвестиций, должна быть своевременной и полной; устанавливаются правила, при которых такая компенсация признается своевременной; определяются условия, при выполнении которых в совокупности компенсация признается полной.

Проверку данных положений Закона Конституционный Суд осуществляет, основываясь на конституционных принципах и нормах, в том числе статье 44 Конституции, в силу которой принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества.

Конституционный Суд полагает, что устанавливаемым правовым регулированием создаются правовые механизмы обеспечения прав и законных интересов инвесторов, защиты конституционно гарантированного права частной собственности для формирования в стране благоприятного инвестиционного климата, способствующего устойчивому развитию экономики государства.

Конституционный Суд отмечает, что компенсация инвестору стоимости имущества в результате его национализации или реквизиции является одной из международных гарантий инвестиционной деятельности, закрепленных в ряде международно-правовых актов, в том числе Хартии экономических прав и обязанностей государств, принятой Резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 года (подпункт «с» пункта 2 статьи 2); Конвенции СНГ о защите прав инвестора от 28 марта 1997 года (статья 9); Протоколе о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (пункты 79–81) и др.

С учетом изложенного Конституционный Суд считает, что законодательное регулирование компенсации стоимости национализированного или реквизируемого имущества, являющегося инвестициями или образуемого в результате осуществления инвестиций, согласуется с принципами и нормами Конституции, а также положениями соответствующих международно-правовых актов.

Таким образом, нормами Закона совершенствуется правовое регулирование отношений в сфере осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь, предусматриваются правовые гарантии деятельности инвесторов, защиты их прав и

законных интересов, обеспечиваются права собственников имущества, являющегося инвестициями или образуемого в результате осуществления инвестиций, реализуется дальнейшая конституционализация экономических отношений в сфере инвестиций, что согласуется с положениями статьи 2, 13 и 44 Конституции.

Конституционный Суд приходит к выводу, что по содержанию норм, форме акта и порядку принятия Закон соответствует Конституции.

РЕЗЮМЕ
решения Конституционного Суда Республики Беларусь
«О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики
Беларусь «О геноциде белорусского народа»
от 29 декабря 2021 г. № Р-1296/2021

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона «О геноциде белорусского народа».

1. Закон принят в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, дачу справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников, и направлен на законодательное установление действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны.

В статье 1 Закона устанавливается, что совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа путем убийства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права, являются геноцидом белорусского народа.

Конституционный Суд отмечает, что впервые на законодательном уровне признается факт геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Такой вывод национального законодателя основан на неопровержимо доказанных и документально подтвержденных многочисленными официальными актами расследований и судебными разбирательствами, в том числе проведенными на международном уровне, фактах злодеяний нацистов и их пособников на территории Беларуси.

Так, Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, образованной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года, было установлено, что на оккупированной территории Белорусской ССР нацисты создали более 260 лагерей смерти для уничтожения военнопленных и гражданского населения. Среди крупнейших лагерей только в городе Минске и его окрестностях было 9 лагерей, где уничтожено более 400 тысяч человек: лагерь смерти Тростенец (уничтожено более 206,5 тысячи человек); лагерь вблизи деревни Масюковщина (более 80 тысяч человек); лагерь на улице Широкой города Минска (20 тысяч человек).

За 1941–1944 годы нацисты провели на территории Беларуси более 140 крупных карательных операций, во время которых было сожжено около 9200 сел и деревень Беларуси, из них 5295 сел и деревень были уничтожены вместе с населением.

Всего из Беларуси в Германию было угнано 399 474 человека, из которых десятки тысяч погибли, не выдержав жестоких условий эксплуатации. Не менее 1,4

миллиона человек были уничтожены в местах принудительного содержания гражданского населения. За годы войны Беларусь потеряла около 2,2 миллиона человек, или каждого третьего своего жителя.

Значительное место в обвинении фашизма Международным военным трибуналом в Нюрнберге (Германия), проходившим с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года, занимали материалы и документы о преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками на территории Беларуси.

Конституционный Суд отмечает, что положение статьи 1 Закона, в которой указываются действия, образующие понятие геноцида белорусского народа, соответствует нормам международного права, согласно которым геноцидом признаются действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую (статья II Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года).

По мнению Конституционного Суда, осуществляемое правовое регулирование соответствует положениям Конституции, согласно которым Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику, защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок (статья 1), государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией (статья 59).

Конституционный Суд также считает, что законодательное признание и осуждение факта геноцида белорусского народа закрепит в исторической памяти народа справедливую оценку злодеяний нацистов на территории Беларуси, станет данью памяти потомков миллионам жертв фашизма, а также будет иметь важное конституционно-правовое и политическое значение, поскольку послужит основой для постановки вопроса о признании геноцида белорусского народа на международном уровне.

2. Законом на Генеральную прокуратуру возлагается полномочие принять дополнительные меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств геноцида белорусского народа, установлению лиц, причастных к его совершению, и их уголовному преследованию (статья 3).

Конституционный Суд отмечает, что устанавливаемое правовое регулирование основывается на получивших международное признание универсальных принципах и нормах (статьи I, II и IV Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968), соответствует положениям Конституции о компетенции прокуратуры осуществлять надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, в случаях, предусмотренных законом, проводить предварительное следствие, поддерживать государственное обвинение в судах (статья 125).

3. Законом предусматриваются полномочия Совета Министров по принятию на постоянной основе мер по увековечению памяти жертв геноцида белорусского народа, а также по признанию и осуждению геноцида белорусского народа на международном уровне; по распространению достоверной информации и просвещению граждан по вопросам геноцида белорусского народа (статья 4).

Конституционный Суд отмечает, что Правительство, являясь центральным органом государственного управления, принимает меры по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, национальной безопасности и обороноспособности (статьи 106 и 107 Конституции).

По мнению Конституционного Суда, реализация предусмотряемых Законом полномочий Совета Министров служит целям увековечения памяти жертв геноцида, пресечения попыток оспорить моральное и историческое право белорусского народа в боевом содружестве с другими народами СССР на победу над фашизмом, призвана вывести на более качественный уровень информационную, просветительскую, учебно-воспитательную работу по формированию должной нравственной и общественно-политической позиции граждан, что отвечает взаимосвязанным положениям Конституции об обязанности государства защищать свою независимость, конституционный строй, обеспечивать законность и правопорядок (статья 1), о гарантировании соответствующих конституционных прав, свобод и законных интересов (статьи 2, 21, 22 и др.).

4. Законом также устанавливается уголовная ответственность за отрицание геноцида белорусского народа: глава 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» Уголовного кодекса, которой предусмотрена уголовная ответственность за геноцид, реабилитацию нацизма (статьи 127 и 130-1), дополняется статьей 130-2, устанавливающей в качестве самостоятельного состава уголовную ответственность за отрицание геноцида белорусского народа.

Конституционный Суд полагает, что, с учетом гарантированного каждому права на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение (статьи 33 и 34 Конституции), государство вправе, исходя из необходимости защиты конституционных интересов от деструктивных действий, устанавливать запрет пропаганды или агитации, возбуждающих расовую, национальную, этническую или религиозную ненависть и вражду, предотвращать проявления социальной агрессии на почве демонстративного (публичного) отрицания конституционно значимых нравственных ценностей или пренебрежения ими.

По мнению Конституционного Суда, устанавливаемое Законом правовое регулирование направлено на противодействие указанным формам информационного воздействия, недопущение формирования в обществе неверных, искаженных представлений об исторических событиях, насильственных действиях по уничтожению советских граждан, проживавших на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, об огромных потерях белорусского народа. Формирование таких представлений может разрушать идеологические и духовно-нравственные ценности общества и осквернять историческую память. Нормы Закона способствуют защите исторической правды о Второй мировой войне, противодействию фальсификации фактов истории.

Конституционный Суд считает, что уголовно-правовой запрет публичного отрицания геноцида белорусского народа расширяет возможности более эффективного реагирования государства на проявления реабилитации нацизма, создающие угрозу для национальной безопасности, совершенствует правовой механизм предупреждения указанных общественно опасных действий, что отвечает конституционным положениям об обязанности государства защищать свою независимость, конституционный строй, обеспечивать законность и правопорядок (статья 1 Конституции) и соответствует нормам Конституции, гарантирующим реализацию конституционных ценностей и интересов (статьи 1, 2, 21, 59).

Конституционный Суд также отмечает, что Парламент, являющийся представительным и законодательным органом, наделен правом рассматривать проекты законов, в том числе об основном содержании и принципах осуществления прав, свобод и обязанностей граждан, об уголовной ответственности (статьи 90, 97 и 98 Конституции), – исходя из требований статьи 23 Конституции, допускающей возможность ограничения прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. В

рамках предоставленных дискреционных полномочий законодатель определяет, какие из деяний с учетом степени их общественной опасности, тяжести последствий и иных обстоятельств подлежат запрету.

По мнению Конституционного Суда, введение статьей 2 Закона уголовной ответственности за отрицание геноцида белорусского народа находится в пределах дискреции законодателя, обладающего свободой усмотрения в выборе уголовно-правовых средств воздействия на нарушителей, в определении их необходимого и достаточного объема.

Оценивая содержание норм Закона, Конституционный Суд считает, что устанавливаемое правовое регулирование направлено на законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, воспрепятствование попыткам фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, сохранение исторической памяти, недопущение реабилитации нацизма в современном белорусском обществе, что соответствует нормам Конституции и согласуется с положениями международно-правовых актов.

Конституционный Суд приходит к выводу, что по содержанию норм, форме акта, разграничению компетенции между государственными органами и порядку принятия Закон соответствует Конституции.

«О проверке проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» на соответствие требованиям, установленным пунктом 2 статьи 91 Конституции Республики Казахстан»

Заключение Конституционного Совета
Республики Казахстан от 4 мая 2022 года № 1

Конституционный Совет Республики Казахстан в составе Председателя К.А. Мами, членов Совета А.К. Даулбаева, В.А. Малиновского, И.Д. Меркеля, Р.Ж. Мукашева, А.А. Темербекова, У. Шапак,

рассмотрел в открытом заседании обращение Президента Республики Казахстан К.К. Токаева о проверке на соответствие требованиям, установленным пунктом 2 статьи 91 Конституции Республики Казахстан, проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан».

Заслушав сообщение докладчика – члена Конституционного Совета В.А. Малиновского, изучив материалы конституционного производства, проанализировав законодательство, Конституционный Совет Республики Казахстан

установил:

22 апреля и 4 мая 2022 года в соответствии с подпунктом 10-1) статьи 44 и пунктом 3 статьи 91 Конституции Республики Казахстан Президент Республики Казахстан К.К.Токаев направил обращение в Конституционный Совет о рассмотрении на соответствие требованиям, установленным пунктом 2 статьи 91 Основного Закона, проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» (далее – проект Закона).

Представленный законопроект разработан в соответствии с Посланием Президента Республики народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» (16 марта 2022 года).

Проанализировав нормы Основного Закона применительно к предмету обращения, Конституционный Совет исходит из следующего.

1. Предусмотренный в Послании Президента Республики Казахстан от 16 марта 2022 года комплекс мер имеет для страны определяющую значимость. Они сориентированы на общество, вступившее в период активной трансформации, и призваны создать прочный политико-правовой фундамент проводимым реформам.

Воплощение выдвинутых Президентом Республики крупных инициатив существенно изменит политическую систему. Для их реализации признано целесообразным внесение изменений в более чем 30 статей Конституции.

Реализуемая масштабная повестка всесторонней модернизации страны непосредственно затрагивает базовые ценности и нормы Основного Закона.

Наполняются новым содержанием многие положения преамбулы Конституции, характеристики Республики Казахстан в качестве утверждающегося демократического, светского, правового и социального государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы (пункт 1 статьи 1).

Для окончательного закрепления решения об отмене смертной казни внесено изменение в пункт 2 статьи 15 Конституции: «Никто не вправе произвольно лишать человека жизни. Смертная казнь запрещается.» (пункт 3 статьи 1 проекта Закона).

Введены дополнительные гарантии права человека на свободу труда (пункт 5 статьи 1 проекта Закона).

Обогащаются закрепленные в пункте 2 статьи 1 Конституции основополагающие принципы деятельности Республики. Таковыми являются общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа, казахстанский патриотизм, решение наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами, включая голосование на республиканском референдуме или в Парламенте.

Большое общественно-политическое значение будет иметь изложение пункта 3 статьи 6 Конституции в новой редакции: «Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы принадлежат народу. От имени народа право собственности осуществляет государство. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом.» (пункт 2 статьи 1 проекта Закона). Окончательное и однозначное закрепление в Основном Законе нормы о том, что именно народ является собственником земли и природных ресурсов, исключит любые разночтения в будущем.

Большинство из конституционных ценностей создают предпосылки для стабилизации дальнейшей демократической эволюции всего конституционного пространства.

2. В пункте 1 статьи 2 Конституции закреплено, что «Республика Казахстан является унитарным государством с президентской формой правления». Пунктами 1 и 2 статьи 3 определены фундаментальные начала народного и государственного суверенитетов – положение народа в качестве единственного источника государственной власти, композиция государственной власти на основе ее единства и осуществления в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов.

Конструкция модернизированной президентской формы правления обеспечит оптимальный баланс властных институтов и будет способствовать устойчивому развитию страны. Проектом Закона уточнены полномочия Главы государства, укреплен роль Парламента, что станет важным фактором успешной реализации концепции «слышащего государства».

Новой редакцией пункта 3 статьи 43 Конституции установлено, что Президент Республики на период осуществления своих полномочий не должен состоять в политической партии. Исходя из этой же логики, данный запрет распространен на председателей и судей Конституционного Суда, Верховного Суда и иных судов, председателей и членов Центральной избирательной комиссии, Высшей аудиторской палаты Республики (пункты 4 и 7 статьи 1 проекта Закона).

Данная система власти повысит политическую конкуренцию, обеспечит равные условия для развития всех партий, независимость и объективность при принятии решений.

Глава государства должен выступать незыблемым гарантом равенства возможностей для всех граждан. Поэтому теперь близкие родственники Президента Республики не вправе занимать должности политических государственных служащих, руководителей субъектов квазигосударственного сектора (пункт 7 статьи 1 проекта Закона).

Существенным продвижением по внедрению элементов парламентаризма в президентскую форму правления, стимулированию заинтересованного сотрудничества Парламента и Правительства в сфере законотворчества является дополнение пунктов 2 и 3 статьи 61 Конституции.

Правительству предоставлено право в целях оперативного реагирования на условия, создающие угрозу жизни и здоровью населения, конституционному строю, охране общественного порядка, экономической безопасности страны в порядке законодательной инициативы вносить на рассмотрение Парламента законопроекты, подлежащие рассмотрению Парламентом немедленно на совместном заседании его Палат.

В случае внесения в Парламент таких законопроектов, Правительство Республики вправе принимать под свою ответственность временные нормативные правовые акты, имеющие силу закона, по вопросам, указанным в части первой пункта 3 статьи 61 Конституции, которые действуют до вступления в силу принятых Парламентом законов или до непринятия Парламентом законов.

Таким образом, данный новый конституционный институт рассчитан на особые жизненные обстоятельства, требующие немедленной совместной слаженной работы ветвей власти по преодолению особо опасных угроз, не предусмотрен для каждодневного применения и обеспечивается взаимной ответственностью депутатов Парламента и членов Правительства.

3. Ряд изменений и дополнений направлен на реформирование законодательной (представительной) ветви власти (поправки в статьи 50-58, 61 и 62, объединенные в разделе IV, и статью 87 раздела VIII Конституции и другие).

Все новации в данной области служат значительному укреплению роли Парламента и мажилисов. Тем самым повысится институциональная устойчивость государства с сильной парламентской культурой и влиятельными народными избранниками (пункты 11 – 21 статьи 1 проекта Закона).

Пересмотрен порядок формирования Сената и Мажилиса Парламента. В Мажилисе введено право отзыва избирателями депутата, избранного по одномандатному территориальному избирательному округу, в порядке, определенном конституционным законом. Его применение существенно укрепит демократические традиции и будет содействовать укоренению новой политической культуры, основанной на взаимной ответственности и доверии.

Принято решение о сокращении президентской квоты в Сенате с 15 до 10 депутатов. Причем, пять из них будут предложены Ассамблеей народа Казахстана. При этом квота Ассамблеи народа Казахстана из Мажилиса переносится в Сенат и сокращается с 9 до 5 депутатов. Соответственно, общее число депутатских мандатов в Мажилисе уменьшится. Данная новация обеспечит мандаты и дополнительные голоса различным этническим группам в верхней Палате.

Значительное число изменений коснулось законодательного процесса. К таким новшествам относятся: представление Парламентом на подпись Президенту закона; принятие на совместном заседании Палат конституционных законов; установление порядка повторного обсуждения и голосования по конституционным законам или статьям конституционного закона, вызвавшим возражения Президента Республики (подпункт 1) пункта 8, подпункт 1) пункта 14, подпункт 2) пункта 21 статьи 1 проекта Закона).

Для формирования более сбалансированной парламентской системы введено правило, предполагающее право Сената одобрять или не одобрять законы, уже принятые Мажилисом. Таким образом, именно Мажилис наделяется правом принимать законы. Это новшество серьезно укрепит механизмы сдержек и противовесов в политической системе и заметно оптимизирует законотворческую процедуру (подпункт 3) пункта 20, пункт 21 статьи 1 проекта Закона).

Расширена компетенция Мажилиса, усиливается парламентский контроль за качеством исполнения республиканского бюджета. Для этого Счетный комитет по контролю за исполнением республиканского бюджета преобразуется в Высшую аудиторскую палату, Председатель которой должен два раза в год отчитываться

перед мажилисменами (новый подпункт 3-1) пункта 1 статьи 56 Конституции). Это еще более упрочит статус Мажилиса и в целом Парламента.

Полномочия Сената, в свою очередь, дополнены правом согласования вносимых Президентом Республики кандидатур на посты председателей Конституционного Суда и Высшего Судебного Совета (новые редакции подпункта 4) статьи 44, подпункта 2) статьи 55, пункта 4 статьи 82 Конституции).

Укрепляются гарантии местного государственного управления и самоуправления, осуществляемого местными представительными и исполнительными органами, ответственными за состояние дел на соответствующей территории. Полномочия Президента Республики сокращаются и концентрируются на акимах областного уровня, значительно усиливается роль маслихатов (пункты 32 и 33 статьи 1 проекта Закона).

Претерпел существенные изменения порядок обретения полномочий акимами областей, городов республиканского значения и столицы. Согласно новеллам статьи 87 Конституции, теперь они назначаются на должность Президентом Республики с согласия депутатов маслихатов, расположенных на территории области, или депутатов маслихатов городов республиканского значения и столицы соответственно. При этом Глава государства предлагает не менее двух кандидатур, по которым проводится голосование. Получившим согласие считается кандидат, набравший большее количество голосов депутатов, принявших участие в голосовании.

За Главой государства сохраняется право освобождения от должностей только акимов областей, городов республиканского значения и столицы, а также упраздняются конституционные положения, предоставляющие Президенту Республики право отменять или приостанавливать действие актов названных акимов (предлагаемая редакция подпункта 3) статьи 44, пункта 4 статьи 87 Конституции).

4. Ключевая миссия граждан в управлении государством, в том числе, посредством институтов прямой демократии, на протяжении Государственной Независимости выступает стратегическим компонентом демократической организации меняющейся политической системы суверенного Казахстана.

Данная ценность закреплена и раскрыта в статьях 1, 3, 5, 20, 23, 33 и ряде других положений и норм Конституции Казахстана.

Совершенствование избирательной системы, модернизация выборного процесса непосредственно связана с активизацией политических партий и всех других субъектов политических отношений.

В целях обеспечения в Новом Казахстане должного представительства интересов населения, повышения электоральной активности граждан и их заинтересованной вовлеченности в процесс переустройства страны, формирования более широкой палитры взглядов принято решение о введении смешанной избирательной системы на выборах в Мажилис Парламента. Она в полной мере учтет права всех граждан, будет лучше отражать интересы избирателей как на национальном, так и на региональном уровнях.

5. защите фундаментальных прав граждан, расширению юридических, материальных, организационных и иных гарантий, усилению правозащитных институтов в Казахстане постоянно уделяется особое внимание (пункты 22-31 статьи 1 проекта Закона).

Политико-правовой основой государства и гражданского общества, казахстанской идентичности и национальной безопасности выступает принятая на республиканском референдуме 30 августа 1995 года Конституция Республики Казахстан, имеющая высшую юридическую силу. Являясь фундаментом консолидации общества, всего правозащитного механизма, базой для

совершенствования законодательства и верховенства права, Конституция сама нуждается в эффективной защите правовыми и иными средствами.

На протяжении 1995-2022 годов в Казахстане действовал Конституционный Совет, компетенция которого периодически расширялась, а организация деятельности совершенствовалась. В целом же его статус пребывал во взаимосвязи с существовавшей на протяжении этого времени президентской формой правления, при которой Глава государства был наделен широкими полномочиями.

Нынешняя конституционная реформа, предусматривающая обновление президентской формы правления, повлекла модернизацию института конституционного контроля с учреждением Конституционного Суда Республики Казахстан (вместо действующего Конституционного Совета) с более широким перечнем субъектов обращения, включая граждан, Генерального Прокурора и Уполномоченного по правам человека (новые редакции статей 71-74, объединенных в разделе VI Конституции, и другие).

Данные инициативы станут важным шагом в построении справедливого и правового государства, институционально укрепят систему сдержек и противовесов, защиту конституционных прав граждан.

Проектом Закона укрепляется конституционный статус Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан. Нормами новой статьи 83-1 Конституции закреплены задачи его деятельности, гарантии независимости и неподотчетности при осуществлении полномочий каким-либо иным государственным органом и должностным лицам. Отныне правовое положение и организация деятельности Уполномоченного по правам человека определяются конституционным законом.

Для системного усиления правозащитной и иной деятельности признано целесообразным поднять уровень законодательного регулирования и принять отдельный конституционный закон о прокуратуре (пункт 30 статьи 1 проекта Закона).

При анализе представленного на заключение проекта Закона приняты во внимание оглашенные положения разрабатываемых в его развитие отдельных конституционных и иных законов, а также направленные на их реализацию подготовительные меры организационного характера.

Исходя из изложенного, руководствуясь пунктом 2 статьи 72 и пунктом 3 статьи 91 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 1) пункта 4 статьи 17, статьями 31-33, 37 и подпунктом 2) пункта 1 статьи 41 Конституционного закона Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года «О Конституционном Совете Республики Казахстан», Конституционный Совет Республики Казахстан

решил:

1. Признать проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» соответствующим Конституции Республики Казахстан, в том числе требованиям, установленным пунктом 2 статьи 91 Основного Закона.

2. Согласно пункту 3 статьи 74 Конституции Республики Казахстан заключение Конституционного Совета Республики Казахстан вступает в силу со дня его принятия, является общеобязательным на всей территории Республики, окончательным и обжалованию не подлежит.

3. Опубликовать настоящее заключение на казахском и русском языках в официальных республиканских печатных изданиях.

Комментарий к решению Конституционного Совета Республики Казахстан

Конституционный Совет принял решение по обращению Президента Республики Казахстан К.К.Токаева о рассмотрении на соответствие требованиям, установленным пунктом 2 статьи 91 Основного Закона, проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан».

В своем заключении Конституционный Совет отметил, что представленный законопроект разработан в соответствии с Посланием Президента Республики народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации».

По мнению Совета, предложенные меры сориентированы на общество, вступившее в период активной трансформации, и призваны создать прочный политико-правовой фундамент проводимым реформам.

Конструкция модернизированной президентской формы правления обеспечит оптимальный баланс властных институтов и будет способствовать устойчивому развитию страны. Проектом Закона уточнены полномочия Главы государства, укреплен роль Парламента, маслихатов, что станет важным фактором успешной реализации концепции «слышащего государства».

Конституционный Совет полагает, что ряд изменений и дополнений направлен на реформирование законодательной (представительной) ветви власти. Тем самым повысится институциональная устойчивость государства с сильной парламентской культурой.

Дана положительная оценка новому порядку формирования Сената и Мажилиса, введению смешанной избирательной системы на выборах в Мажилис. Право отзыва избирателями депутата Мажилиса, избранного по одномандатному территориальному избирательному округу, а также новшества, касающиеся законодательного процесса: представление Парламентом на подпись Президенту закона; закрепление права Сената одобрять или не одобрять законы, уже принятые Мажилисом; наделение Правительства правом принимать временные нормативные правовые акты, имеющие силу закона, в целях оперативного реагирования на условия, создающие угрозу конституционным ценностям и другие новеллы отвечают требованиям трансформации.

Усиливается парламентский контроль за качеством исполнения республиканского бюджета.

Конституционный Совет подчеркнул, что проектом Закона укрепляются гарантии местного государственного управления и самоуправления. Об этом свидетельствует новый порядок назначения Президентом Республики акимов областей, городов республиканского значения и столицы, упразднение конституционных положений, предоставляющих Главе государства право отменять или приостанавливать действие актов названных акимов.

В заключении Совета обращено внимание на прогрессивные изменения в сфере защиты прав человека. В их числе: окончательное закрепление решения об отмене смертной казни, усиление конституционного статуса Уполномоченного по правам человека, принятие конституционного закона о прокуратуре и др.

Конституционный Совет считает, что учреждение Конституционного Суда Республики с более широким перечнем субъектов обращения, включая граждан, Генерального Прокурора и Уполномоченного по правам человека, станет важным шагом в построении справедливого и правового государства, институционально укрепит систему сдержек и противовесов, защиту конституционных прав граждан.

Кроме того, как сказано в заключении, окончательное и однозначное закрепление в Основном Законе нормы о том, что именно народ является собственником земли и природных ресурсов, исключит любые разночтения в будущем.

В этой связи, Конституционный Совет признал проект Закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» соответствующим Конституции.

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Р Е Ш Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАЛАТЫ ВЕРХОВНОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности пункта 3 Положения об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта), утверждённого постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 197 «Об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта)», в котором сведение об этнической принадлежности не указывается открыто и содержание информации «этническая принадлежность (по желанию заявителя)» на электронном чипе, в связи с обращением Бекназарова Азимбека Анаркуловича, Медетбекова Шамшыбека Осмонкуловича и Касаболотова Жыргалбека Асековича

город Бишкек

14 октября 2020 года

Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего Дуйшеева К.А., судей Бобукеевой М.Р., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Осмонбаева Э.Ж., Саалаева Ж.И., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Джолгокпаевой С.А., с участием:

- обращающейся стороны - Медетбекова Шамшыбека Осмонкуловича;
- стороны ответчика – Таманбаева Рысбека Кокумбаевича, представителя

Правительства Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 18, 19, 37 и 42 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики», рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности пункта 3 Положения об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта), утвержденного постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 197 «Об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта)», в котором сведение об этнической принадлежности не указывается открыто и содержание информации «этническая принадлежность (по желанию заявителя)» на электронном чипе, в связи с обращением Бекназарова Азимбека Анаркуловича, Медетбекова Шамшыбека Осмонкуловича и Касаболотова Жыргалбека Асековича.

Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Бекназарова А.А., Медетбекова Ш.О. и Касаболотова Ж.А.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики пункт 3 Положения об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта), утверждённого постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 197 «Об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта)», в котором сведение об этнической принадлежности не указывается открыто и содержание информации «этническая принадлежность (по желанию заявителя)» на электронном чипе.

Заслушав информацию судьи-докладчика Бобукеевой М.Р., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики

установила:

В Конституционную палату Верховного Суда Кыргызской Республики 26-февраля 2019 года поступило ходатайство Бекназарова А.А., Медетбекова Ш.О. и Касаболотова Ж.А. о признании пункта 3 Положения об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта), утвержденного постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 197 «Об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта)», в котором сведение об этнической принадлежности не указывается открыто и содержание информации «этническая принадлежность (по желанию заявителя)» на электронном чипе, противоречащей части 3 статьи 5, части 2, пункту 6 части 5 статьи 20, статье 38 Конституции Кыргызской Республики.

По мнению субъекта обращения, утвержденный обозначенным постановлением установлено, что отдельная графа, описывающая этническую принадлежность (национальность) гражданина в паспортах образца 1994 года и 2004 года предыдущего Положения об идентификационной карте – паспорте гражданина Кыргызской Республики в Положении об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта), в котором сведение об этнической принадлежности не указывается открыто и содержание информации «этническая принадлежность на электронном чипе указывается по желанию заявителя.

Заявители отмечают, что в соответствии с пунктом 6 части 5 статьи 20 и статьей 38 Конституции Кыргызской Республики каждый человек и гражданин пользуясь конституционным правом свободно определять и указывать свою этническую принадлежность, граждане Кыргызской Республики до 3 апреля 2017 года через графу «национальность» в своем паспорте открыто указывали свою этническую принадлежность. Исключение графы, указывающей национальность гражданина в новом паспорте образца 2017 года Правительства Кыргызской Республики является не только нарушением прав человека и гражданина, но и проводимой политикой против нации кыргызов.

Основываясь на вышеизложенном, заявители просят признать оспариваемую норму противоречащей части 3 статьи 5, части 2, пункту 6 части 5 статьи 20, статье 38 Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей от 10 апреля 2019 года Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики данное обращение принято к производству о проверке соответствия пункту 6 части 5 статьи 20, статье 38 Конституции Кыргызской Республики, в остальной части было отказано.

Представитель Правительства Кыргызской Республики Таманбаев Р.К. не согласный с доводами обращающейся стороны озвучил следующее противное мнение.

Идентификационная карта - паспорт гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта) (далее - Идентификационная карта) - документ, удостоверяющий личность гражданина Кыргызской Республики и подтверждающий принадлежность к гражданству Кыргызской Республики, с информацией в текстовом, машиносчитываемом и электронном виде, со встроенным электронным чипом, который является неотъемлемой частью паспорта. Электронный чип идентификационной карты содержит сведения о гражданине, где указывается фамилия, имя, отчество (при наличии), пол, гражданство, дата рождения, срок действия документа, место рождения, персональный идентификационный номер, орган, выдавший документ, и его код, цветное цифровое изображение лица владельца, графическое строение папиллярных узоров пальцев обеих рук,

собственноручная подпись владельца, этническая принадлежность (по желанию заявителя), адрес (место жительства), семейное положение.

Таманбаев Р.К. указал, что в пункте 3 указанного положения в текстовом виде идентификационной карты сведения об этнической принадлежности не указывается открыто и содержание информации этническая принадлежность по желанию заявителя вносится на электронном чипе.

По мнению ответчика, понятие «этническая принадлежность», указанная в статье 38 Конституции Кыргызской Республики в вышеуказанном положении указываемое понятие «этническая принадлежность» приравнена к понятию «национальность». В части 4 статьи 31 эти понятия разделены как «национальный» и «этнический». Также в других законах при указании своей принадлежности гражданина Кыргызской Республики к той или иной нации используется понятие «национальность». Кроме этого, в государственных документах многих стран, в том числе и в паспортах сведения об этнической принадлежности указывается как «национальность».

В частности, Таманбаев Р.К. считает, что в отдельных кодексах и законах применяемых Государственной регистрационной службой используют понятие «национальность», в законодательстве Кыргызской Республики понятиям «национальность» и «этническая принадлежность» дано официальное определение, эти понятия должны использоваться в едином значении.

В связи с чем, сторона-ответчик считает доводы заявителей по оспариваемому вопросу не обоснованными, а оспариваемая норма не противоречащей пункту 6 части 5 статьи 20 и статьи 38 Конституции Кыргызской Республики.

Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения иных лиц и исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики» Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики по данному делу является пункта 3 Положения об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта), утверждённого постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 197 «Об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта)», следующего содержания:

«3. Идентификационная карта содержит следующие сведения:

- в текстовом виде:

фамилия, имя;

отчество (при наличии);

пол;

гражданство;

дата рождения;

номер документа;

дата выдачи;

срок действия;

место рождения;

персональный идентификационный номер (персональный номер);

орган, выдавший документ, и его код;

подпись владельца;
черно-белое изображение лица владельца;
штрих-коды персонального идентификационного номера и номера документа;
электронный чип;
- в машиносчитываемом виде - машиносчитываемая зона;
- на электронном чипе:
фамилия, имя;
отчество (при наличии);
пол;
гражданство;
дата рождения;
срок действия документа;
место рождения;
персональный идентификационный номер (персональный номер);
орган, выдавший документ, и его код;
цветное цифровое изображение лица владельца, графическое строение папиллярных узоров пальцев обеих рук, собственноручная подпись владельца;
этническая принадлежность (по желанию заявителя);
адрес (место жительства);
семейное положение;
Ключ электронно-цифровой подписи, реализованный на базе криптографических алгоритмов по стандартам ГОСТ, ключ авторизации.

Идентификационная карта также может иметь тактильный текст шрифтом Брайля для лиц с нарушениями зрения (по желанию владельца).».

Постановление Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 197 «Об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта)» было принято в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» от 28 апреля 2017 года № (532-533) в приложении «Нормативные акты Правительства Кыргызской Республики», внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 года провозгласила, что граждане республики всех национальностей составляют народ Республики Кыргызстан, который является единственным источником государственной власти в республике (статья 2).

Являясь логическим продолжением волеизъявления народа, Конституция Кыргызской Республики в своей преамбуле установила исходные принципы, на которых основываются все последующие конституционные установления, особо обозначив значимость единства народа в укреплении кыргызской государственности и государственного суверенитета.

Конституция Кыргызской Республики провозглашает, что народ Кыргызстана является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Кыргызской Республике, где понятие «народ» определяется как принадлежность совокупности людей всех этносов к кыргызскому государству (статья 2).

В то же время, осознание гражданами страны своей принадлежности к единому государству не исключает право каждого на социальную идентичность.

Социальная идентичность – это восприятие себя как члена определённой группы, ощущение принадлежности и эмоциональной привязанности к ней. Одной из разновидностей социальной идентичности индивида является этническая принадлежность, то есть осознание человеком себя как представителя определённого этноса.

Этническая принадлежность задаётся вместе с рождением, умением говорить на родном языке, культурным окружением и другими явлениями ввиду чего индивиду становится свойственным сопровождающие этничности признаки такие, как язык, имя, представление об общем происхождении, привязанность к определённой территории, религии, общей системе ценностей, групповой солидарности, на основе которых посторонние легко атрибутируют индивида.

Этническая принадлежность является общепринятым и легитимированным индикатором различий и выступает мощным фактором формирования и сплочения этнических групп и их социальных связей.

Ценность этнической идентичности заключается в том, что она призвана удовлетворить как потребность в самобытности и независимости от других, так и потребность в принадлежности к определенной группе людей.

Задача государства в этих условиях заключается в формировании в обществе уважительного отношения к самобытной культуре, родному языку, своеобразию обычаев и традиций людей любой этнической общности, а также в искоренении этнических предрассудков, создании условий для самоопределения и самореализации индивида в вопросе этнической принадлежности, обеспечения автономии и независимости его воли.

3. Вместе с тем, ни при каких обстоятельствах этническая принадлежность не может служить основанием как для предоставления лицу каких-либо привилегий, так и для ограничения его прав, ибо Конституция Кыргызской Республики устанавливает безусловное равенство прав и свобод человека и гражданина независимо, помимо прочего, от факта этнической принадлежности. Данная гарантия обеспечивается предусмотренной законодательством ответственностью за нарушение принципа равноправия в зависимости от пола, расы, национальности, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения (статья 185 Уголовного кодекса Кыргызской Республики).

4. В соответствии со статьей 38 Конституции Кыргызской Республики каждый имеет право свободно определять и указывать свою этническую принадлежность. Иначе говоря, каждому предоставлено право по своему усмотрению, во-первых, определять, во-вторых указывать в документе, касающемся данного человека, свою этническую принадлежность, либо вовсе отказаться от её указания.

По своему смыслу и содержанию конституционное положение о праве свободно определять свою этническую принадлежность означает сознательный акт самоопределения человека, отнесения самого себя к определённой этнической общности, а также возможность выбора собственной культурной идентичности и право удовлетворять интересы и запросы, связанные с этнической принадлежностью.

Под таким дозволением как «свободно указывать» Конституция Кыргызской Республики усматривает необходимость предоставления каждому, как форму самовыражения личности, право придавать гласности, свободно выражать и распространять информацию о своей этнической принадлежности в любых общедоступных источниках, в том числе официальных документах, касающихся конкретного человека.

Между тем, конституционно-правовой смысл предоставляемого права заключается не только в возможности человека определять или не определять, указывать или не указывать свою этническую принадлежность для различного рода юридически значимых целей, но и вовсе отказаться от определения и указания своей этнической принадлежности, или же придать ей форму ограниченного доступа.

Одновременно с этим статья 38 Конституции Кыргызской Республики устанавливает принципиальную недопустимость принуждения к определению и

указанию человеком своей этнической принадлежности. В целом данная статья в императивном порядке ставит в зависимость официальное фиксирование сведений об этнической принадлежности индивида в каких-либо документах, выдаваемых в целях его идентификации, от его воли.

Более того, в целях неукоснительного обеспечения соблюдения запрета на принуждение к определению и указанию человеком своей этнической принадлежности Конституция Кыргызской Республики отнесла ее к абсолютным и не подлежащим каким-либо изменениям (пункт 9 части 4 статьи 20, второе предложение статьи 38). Это означает, что свобода выбора своей этнической принадлежности, придания ее гласности, является исключительной привилегией каждого человека и государство не может принуждать его к такому выбору или же оказывать на него какое-либо иное воздействие.

5. В соответствии с пунктом 6 Положения о национальных паспортах граждан Кыргызской Республики, утверждённого постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 196 национальные паспорта граждан Кыргызской Республики подразделяются на паспорт гражданина Кыргызской Республики образца 2004 года (ID-карта); идентификационную карту - паспорт гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта); общегражданский паспорт гражданина Кыргызской Республики образца 2006 года; дипломатический и служебный паспорта Кыргызской Республики.

Национальные паспорта граждан Кыргызской Республики являются документами, удостоверяющими личность граждан Кыргызской Республики и подтверждающими принадлежность к гражданству Кыргызской Республики, соответственно, какие сведения должны быть в этом документе определяется, исходя из задач этого документа, автором, то есть государством с соблюдением конституционных гарантий.

Согласно пункту 1 Положения об идентификационной карте – паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта), утверждённого постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 197, идентификационная карта - паспорт гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта) – документ, удостоверяющий личность гражданина Кыргызской Республики и подтверждающий принадлежность к гражданству Кыргызской Республики, с информацией в текстовом, машиночитываемом и электронном виде, со встроенным электронным чипом, который является неотъемлемой частью паспорта.

Оспариваемый обращающейся стороной пункт 3 рассматриваемого Положения устанавливает перечень сведений, подлежащих включению в ID-карту. При этом сведения подразделены на две категории: в текстовом виде и на электронном чипе. Сведения, касающиеся этнической принадлежности по желанию заявителя включён в контент электронного чипа.

Электронный чип – это цифровой интегральный процессор (электронная микросхема), встроенный в идентификационную карту – паспорт образца 2017 года, позволяющий производить запись, обработку и хранение персональных и биометрических данных заявителя уполномоченным органом по реализации государственной политики в области регистрации населения и актов гражданского состояния. То есть включение в электронный чип сведений об этнической принадлежности означает использование криптографических технологий в целях ограничения доступа к содержащейся в нем информации, что возможно лишь по воле самого человека, который желает определить свою этническую принадлежность, но указывать ее в закрытом режиме. Другими словами, при желании заявителя о включении сведений о его этнической принадлежности в электронный чип, то есть содержать данную информацию в режиме ограниченного

доступа, является одной из форм реализации конституционного права на свободу определения и указания своей этнической принадлежности и не может противоречить Конституции Кыргызской Республики.

Однако, в то же время, не предоставление возможности указывать в текстовом виде в ID-карте сведений об этнической принадлежности, если этого желает сам заявитель, означает прямое нарушение права на придание гласности или же распространение иным образом информации о своей этнической принадлежности, в том числе в ID-карте, удостоверяющего личность конкретного человека. То есть нарушает гарантии, предусмотренные статьей 38 Конституции Кыргызской Республики о праве каждого свободно определять и указывать свою этническую принадлежность.

Вместе с тем, в процессе приведения оспариваемого акта в соответствие с конституционными требованиями следует иметь в виду, что в силу пункта 9 части 4 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики существующий запрет на любые формы принуждения к определению и указанию этнической принадлежности человека и гражданина не может быть ограничен.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 8 и 9 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51 и 52 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики», Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики

р е ш и л а:

1. Не указание в абзаце втором пункта 3 Положения «-в текстовом виде:» графы «этническая принадлежность (по желанию заявителя)» в паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта), утверждённого постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 апреля 2017 года № 197 «Об идентификационной карте - паспорте гражданина Кыргызской Республики образца 2017 года (ID-карта)», в котором сведения об этнической принадлежности не указывается открыто и содержание информации «этническая принадлежность (по желанию заявителя)» на электронном чипе противоречит статье 38 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики».

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Р Е Ш Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАЛАТЫ ВЕРХОВНОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении», в связи с обращением Жоошева Замирбека Тургунбаевича

город Бишкек

24 февраля 2021 года

Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Дуйшеева К.А., судей Бобукеевой М.Р., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Осмонбаева Э.Ж., Саалаева Ж.И., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Лобановой Ж.А., с участием:

обращающейся стороны – Жоошева Замирбека Тургунбаевича;

стороны-ответчика - Ырысбекова Таланта Ырысбековича, Алдашевой Акылай Сатаровны, представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности;

иных лиц – Жусупова Медера Кенешовича, постоянного представителя Президента Кыргызской Республики в Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики, Абдыраева Бакыта, представителя Правительства Кыргызской Республики по доверенности, Альчиева Рысбека Карагуловича, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Курманбаевой Аиды Маратовны, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 18, 19, 37 и 42 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики», рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении».

Поводом к рассмотрению дела явилось ходатайство Жоошева З.Т.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики статья 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении».

Заслушав информацию судьи-докладчика Шаршеналиева Ж.А., проводившего подготовку дела к судебному заседанию и исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики

у с т а н о в и л а:

В Конституционную палату Верховного Суда Кыргызской Республики 25 августа 2020 года поступило ходатайство Жоошева З.Т., о проверке соответствия статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении», части 3 статьи 20, абзацам первому и второму части 4 статьи 24 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из содержания обращения, частью 3 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики установлен запрет на ограничение прав и свобод законом в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией.

При этом в соответствии с абзацами первым и вторым части 4 статьи 24 Конституции никто не может быть подвергнут задержанию на срок более 48 часов без судебного решения. Каждое задержанное лицо в срочном порядке и в любом случае до истечения 48 часов с момента задержания должно быть доставлено в суд для решения вопроса о законности его задержания.

Вместе с тем статьей 26 конституционного Закона «О чрезвычайном положении» установлен порядок, согласно которому граждане, в том числе сотрудники иностранных дипломатических представительств, во время комендантского часа, находясь на улицах/в иных общественных местах или пребывая вне своего жилища обязаны иметь при себе специально выданные пропуска и документы, удостоверяющие личность.

Жоошев З.Т. поясняет, что в отношении лиц, нарушивших указанный порядок, наступают последствия, предусмотренные статьей 28 вышеуказанного конституционного Закона, согласно которой лица, допустившие нарушение порядка, предусмотренного статьей 26 данного Закона, задерживаются милицией или военными патрулями до окончания комендантского часа, а не имеющие при себе документов - до установления личности, но не более чем на трое суток; задержанные могут быть подвергнуты личному досмотру, досмотру вещей и транспортных средств.

Заявитель считает, что оспариваемая статья входит в противоречие с нормами Конституции, поскольку наделяет уполномоченные органы правом, без судебного решения задерживать вышеуказанных лиц на срок более 48 часов, а именно до 72 часов, и не предусматривает обязательность их доставления в суд до истечения 48 часов с момента его задержания для проверки законности такого задержания.

Оспариваемая норма, по его мнению, ограничивает право человека на свободу и личную неприкосновенность в большей степени, чем это предусмотрено в Конституции, поскольку срок задержания человека во время чрезвычайного положения может быть увеличен на 24 часа.

Жоошев З.Т. считает, что наличие противоречий между Конституцией и оспариваемой статьей связано с тем, что конституционный Закон «О чрезвычайном положении» был принят 24 октября 1998 года, т.е. до принятия действующей Конституции.

Субъект обращения отмечает, что конституционные гарантии, установленные в абзацах первом и втором части 4 статьи 24 Конституции направлены на обеспечение соблюдения права каждого человека на свободу и на личную неприкосновенность, которые корреспондируются со статьей 3 Всеобщей декларации прав человека.

Заявитель считает, что вышеуказанные нормы Конституции направлены на реализацию гарантий прав каждого арестованного или задержанного по уголовному обвинению лица в срочном порядке быть доставленным в суд для проведения судебного разбирательства по проверке законности и обоснованности его ареста/задержания в течение разумного срока или на освобождение. Указанные гарантии также предусмотрены частью 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, к которому Кыргызская Республика присоединилась постановлением Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 12 января 1994 года №1406-XII.

Аргументируя свои доводы, субъект обращения ссылается на замечания общего порядка Комитета Организации Объединенных Наций по правам человека, данных к статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах. Названный Комитет в данных замечаниях отметил, что задержание лиц не должно превышать нескольких дней с момента ареста, причем указал на достаточность 48

часового интервала времени для осуществления доставки задержанных лиц в соответствующие органы для подготовки судебного слушания, и что более длительное содержание вышеуказанных лиц повышает риски жестокого обращения.

На основании изложенного, заявитель просит признать оспариваемую статью противоречащей Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей от 25 сентября 2020 года ходатайство Жоошева З.Т. было принято к производству.

В судебном заседании заявитель поддержал свои требования и просит их удовлетворить.

Представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Ырысбеков Т.Ы., частично соглашаясь с доводами обращающейся стороны, считает, что оспариваемая статья противоречит Конституции только в части, касающейся срока задержания лица, нарушившего режим чрезвычайного положения.

Постоянный представитель Президента Кыргызской Республики в Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики Жусупов М.К., отмечает, что согласно части 3 статьи 20 Конституции законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией. По его мнению, любые ограничения прав и свобод человека, определенные в других нормативных правовых актах, включая определенный срок задержания, не должны превышать 48 часов. В связи с чем, он считает, что оспариваемая статья противоречит Конституции.

Представители Правительства Кыргызской Республики Абдыраев Б., и Министерства юстиции Кыргызской Республики Курманбаева А.М. привели доводы схожие с аргументами позиции постоянного представителя Президента Кыргызской Республики в Конституционной палате Верховного Суда.

Представитель Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики Альчиев Р.К. отмечает о предельной определенности и ясности положений части 4 статьи 24 Конституции, касающихся сроков задержания без судебного решения, отражающих международно-правовой стандарт длительности ограничения свободы. В связи с чем, по его мнению, положение статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении», устанавливающей возможность задержания нарушившего порядок лица до трех суток противоречит Конституции.

Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, позиции иных лиц, и исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики» Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики выносит акты по предмету, затронутому в обращении лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики по данному делу является статья 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении» следующего содержания:

«Статья 28.

Лица, допустившие нарушение порядка, предусмотренного статьей 26 настоящего Закона, задерживаются милицией или военными патрулями до окончания комендантского часа, а не имеющие при себе документов - до установления личности, но не более чем на трое суток; задержанные могут быть подвергнуты личному досмотру, досмотру вещей и транспортных средств».

Конституционный Закон Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении» от 24 октября 1998 года №135 принят в соответствующем порядке,

установленном законодательством, опубликовано в приложении к газете «Эркин Тоо», в журнале «Нормативные акты Кыргызской Республики» 1998 год №21, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Согласно Конституции Кыргызской Республики каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность, никто не может быть арестован, содержаться под стражей или оказаться лишенным свободы иначе как по решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом, никто не может быть подвергнут задержанию на срок более 48 часов без судебного решения (части 1, 3, 4 статьи 24).

Как следует из положений Всеобщей декларации прав человека (статья 3) и Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 9), право каждого на жизнь, свободу и личную неприкосновенность неотчуждаемо, принадлежит каждому от рождения и относится к числу основных прав и свобод человека. Приверженность к соблюдению данного права как наиболее значимого социального блага получила международно-правовое признание, без которого немыслимы достоинство и ценность человеческой личности и демократического, правового устройства общества и государства.

Уважение и защита этой конституционной ценности позволят исключить возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии человека, когда ограничение свободы и личной неприкосновенности возможно лишь на основе принципов правовой определенности, справедливости, конституционных критериев необходимости и соразмерности с тем, чтобы препятствовать нивелированию самого существа данного права, образующего, наряду с иными конституционными правами и свободами человека и гражданина, основы правового статуса личности в Кыргызской Республике.

Надлежащее обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность подразумевает эффективную защиту от задержания, ареста, заключения под стражу или лишения свободы в иных формах без предусмотренных законом оснований и сверх установленных временных пределов. Любые принудительные меры, применяемые в целях ограничения личной свободы и неприкосновенности, должны осуществляться только с соблюдением конституционных и международных требований и стандартов.

Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики в своем Решении от 7 июня 2017 года уже отмечала, что сущность права на свободу и личную неприкосновенность, как основополагающего права человека, состоит в недопустимости произвольного воздействия на человека против его воли при условии соблюдения им интересов других лиц, общества и государства. Пределы допустимости воздействия на человека определяются, а также гарантируются государством путем законодательного закрепления оснований, порядка такого воздействия и контроля за их применением.

Одной из форм ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность является задержание, то есть кратковременное лишение свободы лица, подозреваемого в совершении правонарушения.

Из конституционно-правового смысла права на свободу и личную неприкосновенность вытекает, что человек не может быть задержан иначе, как только на основаниях и в порядке, установленных законом.

3. Современная концепция института чрезвычайного положения предъявляет ряд требований к национальным законодательствам в виде международных правовых принципов и стандартов. К таким можно отнести принципы исключительной угрозы; официального объявления; соразмерности (пропорциональности); не дискриминации; «нотификации» (официального уведомления); неприкосновенности абсолютных прав и свобод; правового порядка.

Все выше перечисленные принципы отмечены в статье 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которой во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в указанном Пакте, государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения.

Регламент чрезвычайного положения представляет собой особый вид правового режима, который отличается: экстраординарностью, ситуативностью, правоограничительным характером (совокупностью применяемых запретов, обязываний, ограничений и т.п.); существенным сужением статуса граждан и организаций, расширением компетенции специальных органов власти.

Правовое регулирование во время чрезвычайного положения можно определить как воздействие с помощью исключительных правовых средств на общественные отношения в экстремальных условиях в целях обеспечения безопасности и восстановления порядка и организованности общественной жизни, при котором ограничивается или отменяется действие общих правовых принципов и норм.

Так, в соответствии с конституционным Законом Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении» чрезвычайное положение - временная мера, вводимая на всей территории республики либо в отдельных ее местностях, применяемая исключительно в интересах обеспечения безопасности ее граждан и защиты конституционного строя и представляющая собой правовой режим деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, независимо от форм собственности, допускающий установление отдельных ограничений прав и свобод граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, а также прав юридических лиц и возлагающий на них дополнительные обязанности (статья 1).

В этой связи Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики отмечает, что целью введения чрезвычайного положения является создание и поддержание условий для возвращения к нормальному правовому регулированию в условиях, когда его функционирование невозможно либо затруднено. Ситуация крайней необходимости, на которой базируется чрезвычайное положение, создает зону аномии, где существенно видоизменяются юридические границы, наличие которых сковало бы государство и лишало его возможности оперативно устранять кризисные ситуации.

Такое отступление опирается также на конституционную установку о допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц (часть 2 статьи 20).

Действительно, правовое регулирование во время чрезвычайного положения является обоснованной исключительной мерой для преодоления возникших для безопасности общества и государства угроз. Чрезвычайное правовое регулирование есть средство недопущения большего вреда для безопасности личности, общества и государства, чем может принести обществу использование чрезвычайных мер. За счет введения определенных ограничений становится возможным восстановление порядка и безопасности общества.

При чрезвычайном правовом регулировании возрастают императивные начала в правовом воздействии на общественные отношения и сокращается сфера действия диспозитивных юридических норм. Это обусловлено тем, что в

чрезвычайных обстоятельствах степень опасности беспорядков и хаоса в общественной жизни возрастает, а управленческий и регулятивный потенциал государственно-правовых институтов уменьшается.

Изложенное в определенной степени касается и деятельности судебной системы, когда полноценная реализация судебных функций во время чрезвычайного положения становится трудно реализуемой.

Вместе с тем, это не означает, что государство и право оказываются неэффективными и излишними в таких условиях. Напротив, государственно-правовые механизмы и средства оказываются одними из наиболее востребованных в критических обстоятельствах, когда общество само не может справиться с экстремальными событиями и нуждается во внешней поддержке и организации.

Таким образом, правовое регулирование во время чрезвычайного положения является обоснованной исключительной мерой для преодоления возникших для безопасности общества и государства угроз. Функционирование права в этот промежуток времени в своей основе является нарушением ординарного законодательства и может быть квалифицировано даже как правонарушение. Однако такая реакция государства в период чрезвычайной ситуации дает основу для восстановления порядка и безопасности общества.

4. В условиях чрезвычайного положения вводится, в первую очередь, своеобразный предел в осуществлении права на передвижение. Так, согласно статье 26 конституционного Закона «О чрезвычайном положении» во время комендантского часа гражданам, в том числе сотрудникам иностранных дипломатических представительств, запрещается находиться на улицах или в иных общественных местах без специально выданных пропусков и документов, удостоверяющих личность, а также пребывать вне своего жилища без таких документов.

При этом в соответствии со статьей 28 названного Закона лица, допустившие нарушение порядка, предусмотренного статьей 26 этого Закона, задерживаются милицией или военными патрулями до окончания комендантского часа, а не имеющие при себе документов - до установления личности, но не более чем на трое суток; задержанные могут быть подвергнуты личному досмотру, досмотру вещей и транспортных средств. Указанное задержание до установления личности является мерой принуждения, применяемой в отношении лиц, нарушивших комендантский час, и является наказуемым деянием согласно Кодексу Кыргызской Республики о нарушениях. Согласно статье 82-1 указанного Кодекса пребывание на улицах и в иных общественных местах либо вне жилища без специально выданных пропусков и документов, удостоверяющих личность, во время комендантского часа, введенного в период чрезвычайного или военного положения, - влечет наказание в виде штрафа 2 категории.

Главное процессуальное предназначение данного вида задержания состоит в предотвращении нарушения режима чрезвычайного положения, прекращении нарушения комендантского часа, предупреждении уклонения нарушителя от ответственности, установлении его личности, выяснении обстоятельств правонарушения.

Вместе с тем задержание, предусмотренное статьей 28 конституционного Закона «О чрезвычайном положении», может быть признано правомерным лишь при условии, что оно осуществлялось не просто в связи с нарушением комендантского часа, а действительно было необходимо и соразмерно представляемой угрозе, в том числе по времени ограничения свободы задержанного лица целям охраны правопорядка и общественной безопасности, неотвратимости ответственности и справедливого разбирательства дела о нарушении в суде. При этом должностные лица, осуществляющие производство по указанным делам, не должны допускать

избыточного ограничения свободы лиц, в отношении которых эта мера применяется, и во всяком случае, соблюдать конституционный запрет на их принудительную изоляцию от общества на срок более 48 часов без судебного решения.

Кроме того, установленный Конституцией Кыргызской Республики судебный контроль призван гарантировать лицу защиту не только от произвольного продления срока задержания сверх 48 часов, но и от неправомерного задержания как такового посредством беспристрастной оценки законности и обоснованности его применения. Иными словами, действие режима чрезвычайного положения не может служить оправданием установленного оспариваемой статьей срока задержания, поскольку согласно Конституции Кыргызской Республики законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено ею (часть 3 статьи 20).

Из этого следует, что конституционные правила введения ограничений прав и свобод человека и гражданина должны применяться также и в действующем режиме чрезвычайного положения. Все лица должны иметь доступ к суду, справедливому и эффективному правосудию, в том числе для оспаривания законности задержания.

Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики особо отмечает, что конституционная гарантия о недопустимости задержания на срок более 48 часов без судебного решения, заложенная в части 4 статьи 24 Конституции Кыргызской Республики предопределяет основания и пределы допустимых законодательных ограничений права на свободу и личную неприкосновенность, независимо от их отраслевых юридических характеристик и целевого предназначения, если фактическим следствием их применения является кратковременное лишение свободы (задержание).

Следовательно, любое отступление, чем бы оно не аргументировалось и какие бы формы не принимало, от закрепленных в Конституции Кыргызской Республики и нормах международного права гарантий свободы и личной неприкосновенности, к числу которых относится запрет на задержание лица без судебного решения на срок более 48 часов, не допустимо.

Таким образом, диспозиция статьи 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении», согласно которой лица, допустившие нарушение порядка, предусмотренного статьей 26 этого же конституционного Закона, не имеющие при себе документов, задерживаются милицией или военными патрулями до установления личности, но не более чем на трое суток, не соответствует части 3 статьи 20, абзацам первому и второму части 4 статьи 24 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в какой допускает задержание физических лиц на срок свыше 48 часов без судебного решения и не предусматривает судебный контроль законности такого задержания.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 8 и 9 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51 и 52 конституционного Закона "О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики", Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики,

р е ш и л а :

1. Признать статью 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О чрезвычайном положении», противоречащей части 3 статьи 20, абзацам первому и второму части 4 статьи 24 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в какой допускает задержание физических лиц на срок свыше 48 часов и не предусматривает судебный контроль законности такого задержания.

2. Правительству Кыргызской Республики инициировать изменения в законодательство в соответствии с мотивировочной частью настоящего Решения.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты и в "Вестнике Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики".

**ИМЕНЕМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Конституционного Суда Российской Федерации**

по делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53¹
Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
гражданина В.Н.Егорова

город Санкт-Петербург

24 февраля 2022 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части седьмой статьи 53¹ УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.Н.Егорова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н.Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части седьмой статьи 53¹ УК Российской Федерации принудительные работы не назначаются несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а также военнослужащим.

1.1. Заявитель по настоящему делу гражданин В.Н.Егоров приговором Московского областного суда от 5 декабря 2017 года осужден к десяти годам и шести месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. После отбытия более половины срока назначенного ему наказания он обратился в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами.

В ходе рассмотрения заявленного ходатайства Скопинский районный суд Рязанской области установил, что по прибытии в исправительную колонию В.Н.Егоров был трудоустроен, уволен в связи с достижением пенсионного возраста. К работе, в том числе выполняемой без оплаты труда в соответствии со статьей 106 УИК Российской Федерации, относился добросовестно, отказов от работы не имел. Установленный порядок отбывания наказания не нарушал, взысканий не имеет, получил несколько поощрений. На профилактическом учете не состоит. Комплекс мер воспитательного воздействия оказывает положительное влияние на поведение

осужденного. Вместе с тем со ссылкой на часть седьмую статьи 53¹ УК Российской Федерации суд отказал в удовлетворении ходатайства, поскольку принудительные работы не назначаются мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а В.Н.Егорову на момент обращения с ходатайством о замене неотбытой части наказания исполнилось шестьдесят два года (постановление от 16 марта 2021 года). С этим решением согласились суды вышестоящих инстанций (апелляционное постановление Рязанского областного суда от 3 июня 2021 года и постановление судьи Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 июля 2021 года). Верховный Суд Российской Федерации возвратил жалобу заявителя без рассмотрения по существу как поданную с нарушением правил подсудности (письмо от 15 июля 2021 года).

По мнению В.Н.Егорова, часть седьмая статьи 53¹ УК Российской Федерации не соответствует статье 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку она не предусматривает для мужчин старше шестидесяти лет, осужденных к лишению свободы за совершение особо тяжкого преступления и фактически отбывших не менее половины срока наказания, – в отличие от мужчин, не достигших такого возраста, – права на замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами.

1.2. В соответствии со статьями 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого нормативного акта в конкретном деле с его участием, при разрешении которого исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации. При этом Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл оспариваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм и не будучи связанным изложенными в жалобе основаниями и доводами.

В конкретном деле заявителя судами рассматривался вопрос о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким наказанием – принудительными работами – только одной категории лиц, указанной в части седьмой статьи 53¹ УК Российской Федерации, – мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста.

Таким образом, часть седьмая статьи 53¹ УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она служит основанием для отказа судом в замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста.

2. Конституция Российской Федерации относит регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина, уголовное и уголовноисполнительное законодательство к ведению Российской Федерации, допуская возможность ограничения прав и свобод федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и

безопасности государства (статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в» и «о»); государство гарантирует каждому права и свободы на основе равенства всех перед законом и судом, в том числе независимо от возраста, включая право осужденного за преступления просить о помиловании или смягчении наказания (статья 19, части 1 и 2; статья 50, часть 3).

Это право, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, будучи непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма и справедливости, предполагает для каждого осужденного – независимо от характера преступления, за которое он был осужден, назначенного наказания и условий его исполнения – возможность добиваться, в том числе в судебном порядке, смягчения своей участи вплоть до полного снятия всех ограничений в правах и свободах, установленных для него обвинительным приговором (Постановление от 26 ноября 2002 года № 16-П, Определение от 15 января 2009 года № 285-О-О).

Обладая широкой дискрецией в регулировании вопросов назначения и исполнения уголовного наказания, определения оснований и порядка освобождения от отбывания наказания, федеральный законодатель вместе с тем обязан соблюдать вытекающие из Конституции Российской Федерации и признаваемые Российской Федерацией как правовым государством общие принципы юридической, в том числе уголовно-правовой, ответственности, такие как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм. Так, установление федеральным законом уголовной ответственности и наказания требует учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности самого преступного деяния и совершившего его лица, а также применения мер ответственности с учетом характеризующих личность виновного обстоятельств. Иное противоречило бы конституционному запрету дискриминации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 года № 3-П и от 15 ноября 2016 года № 24-П).

Из приведенной правовой позиции вытекает, в частности, необходимость соблюдения дифференцированного и при этом недискриминационного подхода к определению в уголовном и уголовноисполнительном законодательстве видов наказаний, оснований и условий их отбывания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также замены одного наказания другим. Правовое регулирование института замены одного наказания другим должно отвечать требованиям справедливости, равенства и гуманизма, не может приводить к различиям в правах осужденных, относящихся к одной категории, и тем более к умалению самого права просить о смягчении наказания.

Исходя из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, конкретизирующей общепризнанный правовой принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации (часть первая статьи 3).

Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает основные и дополнительные виды наказаний за совершение преступлений, что не выходит за рамки средств, которые могут быть использованы для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2020 года № 2597-О). В число основных видов наказаний входят такие,

которые предусматривают использование в нормативно закрепленных пределах труда осужденных. Это обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы (пункты «г», «д», «з¹», «л», «м» статьи 44 и часть первая статьи 45 УК Российской Федерации).

Специальным законом, устанавливающим порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, правовое положение и средства исправления осужденных, является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (статьи 1–4), нормы которого должны быть согласованы между собой, а с ними – и нормы других правовых актов, затрагивающих эту сферу (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2020 года № 50-П).

Статья 9 УИК Российской Федерации, определяя исправление осужденных как формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (часть первая), относит к числу основных средств такого исправления (подлежащих применению с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения) установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим) и общественно полезный труд (части вторая и третья).

Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятые Резолюцией 70/175 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 года, предусматривают, что осужденные заключенные должны иметь возможность работать при условии установления врачом или другими квалифицированными медицинскими специалистами их физической и психической пригодности (пункт 1 правила 96), на заключенных следует возлагать полезную работу, достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день (пункт 2 правила 96). Согласно Европейским пенитенциарным правилам (утверждены Комитетом министров Совета Европы 11 января 2006 года) труд в пенитенциарном учреждении следует рассматривать в качестве позитивного элемента режима содержания заключенных (пункт 1 правила 26). В системе действующего российского законодательства такой труд не подпадает под понятие принудительного труда, запрещенного положением статьи 37 (часть 2) Конституции Российской Федерации (подпункт «с» пункта 3 статьи 8 Международного пакта о гражданских и политических правах; подпункт «с» пункта 2 статьи 2 Конвенции МОТ от 28 июня 1930 года № 29 относительно принудительного или обязательного труда; часть четвертая статьи 4 Трудового кодекса Российской Федерации; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 1998 года № 199-О, от 20 апреля 2001 года № 145-О, от 21 мая 2015 года № 1115-О и др.), и является средством исправления осужденного.

3. Для обеспечения правовых гарантий смягчения наказания федеральный законодатель установил наряду с видами уголовных наказаний, отражающих законодательную оценку характера общественной опасности преступлений и назначаемых с учетом обстоятельств, свидетельствующих о фактической степени опасности совершенного деяния, личности виновного и с определением соответствующего режима их исполнения (отбывания), основания и условия смягчения ответственности (замены наказания более мягким наказанием). Применение указанных мер обусловлено прежде всего поведением осужденного, положительными изменениями его личности, восстановлением социальной справедливости (статьи 2, 6, 7, 43, 44 и 60 УК Российской Федерации, статьи 1 и 8 УИК Российской Федерации).

К числу мер, обеспечивающих осуществление закрепленного в статье 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации права каждого осужденного за

преступление просить о смягчении назначенного ему наказания, а также вытекающего из конституционных начал гуманизма и справедливости принципа экономии уголовной репрессии, предполагающего применение лишь необходимых и достаточных для достижения ее целей принудительных мер уголовно-правового реагирования, федеральный законодатель отнес возможность замены осужденному неотбытой им части наказания в виде лишения свободы принудительными работами (часть вторая статьи 53¹, части первая и вторая статьи 80 УК Российской Федерации).

3.1. Согласно статье 53¹ УК Российской Федерации принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части данного Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые (часть первая); принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы (часть третья); принудительные работы назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со статьей 80 данного Кодекса (часть четвертая); из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся удержания в доход государства, перечисляемые на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы, в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов (часть пятая).

Конкретизируя порядок и условия отбывания данного вида наказания, не связанного, в отличие от лишения свободы, с изоляцией осужденного от общества, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации закрепляет, что осужденные к принудительным работам находятся под надзором и обязаны выполнять правила внутреннего распорядка исправительных центров, постоянно находиться в пределах территории исправительного центра (за исключением случаев, предусмотренных данным Кодексом), проживать, как правило, в специально предназначенных для осужденных общежитиях, не покидать их в ночное и нерабочее время, выходные и праздничные дни без разрешения администрации исправительного центра (пункты «а», «в» части второй статьи 60⁴). Каждый осужденный к принудительным работам обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров, которая обязана, исходя из наличия рабочих мест, привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и (по возможности) специальности; осужденные к принудительным работам привлекаются к труду в организациях любой организационно-правовой формы (часть первая статьи 60⁷). Осужденные к принудительным работам не вправе отказаться от предложенной им работы и привлекаются к труду в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполнения работы, предоставления отпусков (части первая и третья статьи 60⁸). Администрации организаций, в которых работают осужденные к принудительным работам, обеспечивают их привлечение к труду с учетом состояния здоровья и квалификации, прохождение ими профессионального обучения или получение ими среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих (часть первая статьи 60⁹). Отказ от работы относится к злостным нарушениям порядка и условий отбывания принудительных работ (пункт «е» части второй статьи 60¹⁵).

Таким образом, комплекс правовых ограничений, характеризующих принудительные работы как уголовное наказание, а также порядок его исполнения уполномоченными органами и отбывания осужденными предполагают возложение

на осужденных обязанности трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров в соответствии с трудовым и уголовно-исполнительным законодательством.

Данной обязанности корреспондирует обязанность администрации исправительных центров обеспечить осужденных работой. Поэтому по смыслу положений статьи 60⁸ УИК Российской Федерации не считается нарушением порядка и условий отбывания принудительных работ невыполнение осужденным обязанности трудиться тогда, когда он не обеспечен работой. Невозможность же выполнения осужденным конкретной работы в связи с состоянием его здоровья либо в связи с сокращением объема работ является основанием его увольнения администрацией организации, в которой он работает (пункт «г» части второй статьи 60⁹ данного Кодекса), что само по себе в силу действующего правового регулирования не влечет изменения режима отбывания осужденным принудительных работ, замены ему этого наказания другим наказанием или освобождения его от отбывания данного наказания. Вместе с тем Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации не предусматривает в качестве основания для увольнения осужденного к принудительным работам администрацией организации, в которой он работает, достижение им какого-либо возраста, в том числе дающего право на назначение страховой пенсии по старости.

3.2. Неотбытая осужденным часть наказания в виде лишения свободы может быть заменена принудительными работами после фактического отбытия им установленного в части второй статьи 80 УК Российской Федерации срока лишения свободы, дифференцированного применительно к указанным в ней разным видам преступлений. Так, неотбытая часть наказания в виде лишения свободы за совершение лицом особо тяжкого преступления может быть заменена более мягким видом наказания после фактического отбытия осужденным не менее двух третей срока наказания либо не менее половины срока наказания при замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами (абзац четвертый части второй статьи 80 УК Российской Федерации).

Необходимым условием такой замены является возможность применения к осужденному принудительных работ, в том числе соответствие его возраста и состояния здоровья требованиям, при которых допускается возложение на него обязанности трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров (часть седьмая статьи 53¹ УК Российской Федерации и часть первая статьи 60⁷ УИК Российской Федерации).

При рассмотрении ходатайства осужденного или представления администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, о замене ему неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления (часть четвертая статьи 80 УК Российской Федерации; абзац первый пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»).

Суд, разрешая соответствующий вопрос, оценивает позитивные изменения в поведении осужденного, свидетельствующие о возможности смягчения уголовной репрессии до необходимого и достаточного минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 года № 2-О).

4. Оспариваемое законоположение, исключаящее замену осужденному мужчине, достигшему шестидесятилетнего возраста, неотбытой им части наказания в виде лишения свободы принудительными работами, введено в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ (вступил в силу 8 декабря 2011 года) и применяется с 1 января 2017 года. На момент вступления в силу указанного Федерального закона установленный частью седьмой статьи 53¹ УК Российской Федерации возраст лица, по достижении которого принудительные работы ему не назначаются, совпадал с возрастом появления у него права на назначение страховой пенсии по старости.

Так, в соответствии с ранее действовавшей редакцией части 1 статьи 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» право на страховую пенсию по старости имели мужчины, достигшие возраста 60 лет. Федеральным законом от 3 октября 2018 года № 350-ФЗ приведенное положение было изменено. Названная норма в новой редакции закрепляет, в частности, что право на страховую пенсию по старости имеют мужчины, достигшие 65 лет, с учетом положений, предусмотренных приложением 6 к данному Федеральному закону. 26 августа 2021 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в порядке законодательной инициативы внесен проект федерального закона № 1239188-7, направленный, как следует из пояснительной записки к нему, на приведение содержащихся в части седьмой статьи 53¹ УК Российской Федерации возрастных ограничений в соответствие с устанавливаемым действующим пенсионным законодательством Российской Федерации возрастом, дающим право на страховую пенсию по старости.

Введение федеральным законодателем для назначения судом такой меры уголовного наказания, как принудительные работы, ограничения по возрасту, совпадающего с возрастом, при достижении которого лицо приобретает право на страховую пенсию по старости, объективно нацелено на исключение назначения указанного наказания (замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами) лицам, достигшим пенсионного возраста, которым не может быть вменена обязанность трудиться в соответствии с трудовым и уголовно-исполнительным законодательством. Кроме того, не может не учитываться то, что достижение определенного возраста по общему правилу характеризует способность лица выполнять конкретную трудовую функцию, в том числе связанную со значительными физическими усилиями, притом что привлечение осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, является характерной чертой принудительных работ как вида наказания, а по сложившейся практике труд в рамках принудительных работ может предполагать несение лицом физической нагрузки, в том числе тяжелой. Предоставить же лицу, отбывающему данное наказание, более легкую работу в соответствии с его состоянием здоровья не всегда возможно. Это создает угрозу прекращения привлечения осужденного к труду и, по существу, ведет к обесмысливанию назначения ему принудительных работ в порядке замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы. С конституционной точки зрения не является безусловно упречным и расхождением установленного в части 1 статьи 8 Федерального закона «О страховых пенсиях» возраста, дающего лицу право на страховую пенсию по старости, и связанных с возрастом условий назначения судом принудительных работ, тем более с учетом срока, в течение которого осужденному, исходя из приговора, еще предстоит отбывать данное наказание и который может выходить за пределы пенсионного возраста.

Таким образом, само по себе установление в Уголовном кодексе Российской Федерации возрастных критериев назначения осужденному наказания в виде принудительных работ (и соответственно – замены неотбытой части наказания в

виде лишения свободы принудительными работами) не выходит за пределы дискреции законодателя.

5. Тем не менее при оценке оспариваемого положения в системе действующего правового регулирования не может не приниматься во внимание следующее.

Право просить о помиловании или о смягчении наказания названо непосредственно в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации (статья 50, часть 3). Уже это обстоятельство свидетельствует о его значимости для лиц, отбывающих наказание. Объективно для них возможность смягчения наказания является одним из важнейших жизненных интересов. Соответственно, отступление от принципов справедливости и равенства в реализации этой возможности является существенным посягательством на конституционно-правовой статус личности.

Согласно абзацу четвертому части второй статьи 80 УК Российской Федерации неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания после фактического отбытия осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжкого преступления (как в случае с заявителем) не менее двух третей срока наказания либо не менее половины срока наказания при замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами. Статья 78 УИК Российской Федерации предусматривает, что положительно характеризующиеся осужденные могут быть переведены для дальнейшего отбывания наказания из исправительных колоний строгого режима в колонию-поселение – по отбытии осужденными не менее одной трети срока наказания; осужденными, ранее условнодосрочно освобожденными от отбывания лишения свободы и совершившими новые преступления в период оставшейся неотбытой части наказания, – по отбытии не менее половины срока наказания, а осужденными за совершение особо тяжких преступлений – по отбытии не менее двух третей срока наказания (пункт «г» части второй).

Соответственно, для лиц, осужденных за совершение особо тяжких преступлений и отбывших половину срока наказания, но менее его двух третей, допускается замена лишения свободы только принудительными работами, а перевод для дальнейшего отбывания наказания из колонии строгого режима в колонию-поселение невозможен.

При этом, исходя из установленных Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации условий отбывания лишения свободы в колониях строгого режима и в колониях-поселениях (статьи 123 и 129), перевод для дальнейшего отбывания наказания из колонии строгого режима в колонию-поселение, безусловно, может в конституционном смысле рассматриваться как смягчение наказания, хотя и не сопряжен с изменением его вида. Так, в колониях-поселениях осужденные к лишению свободы, в частности, содержатся без охраны, но под надзором администрации колонии-поселения; в часы от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения; с разрешения администрации колонии-поселения могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением; могут носить гражданскую одежду; могут иметь при себе деньги и ценные вещи; пользуются деньгами без ограничения; получают посылки, передачи и бандероли; могут иметь свидания без ограничения их количества; проживают, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях. При этом осужденным, не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющим семьи, по постановлению начальника колонии-поселения может быть разрешено проживание со своими семьями на

арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение (пункты «а», «б» части первой статьи 129).

Следовательно, мужчины старше шестидесяти лет, осужденные за совершение особо тяжких преступлений к лишению свободы, отбываемому в колонии строгого режима, на временном отрезке от половины до двух третей срока наказания лишь по факту достижения указанного возраста оказываются – наряду с некоторыми другими категориями лиц, определенными по таким же не зависящим от их воли и поведения критериям, – полностью лишены возможности реально претендовать на смягчение наказания. Именно в подобной ситуации находится и заявитель по настоящему делу.

Такое регулирование не соответствует принципу равенства, чрезмерно ограничивая права осужденных просить о смягчении наказания и на судебную защиту (статья 19, части 1 и 2; статья 46, часть 1; статья 50, часть 3; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), поскольку не предоставляет мужчинам старше шестидесяти лет, отбывшим установленную законом часть срока наказания в виде лишения свободы, – в отличие от мужчин, не достигших такого возраста, – права на замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами или другими сопоставимыми с принудительными работами видами наказания либо более мягкими видами режима отбывания лишения свободы.

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений сформулировал следующие правовые позиции:

в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют устанавливать ограничения закрепляемых ими прав, федеральный законодатель должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями таких ограничений меры, не прибегая к способам регулирования, которые посягали бы на само существо того или иного права и приводили бы к утрате его реального содержания; при определении условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений, даже имея намерение воспрепятствовать злоупотреблению правом, он обязан обеспечивать – исходя из принципа равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности – баланс конституционных ценностей, а также прав и законных интересов участников конкретных правоотношений (постановления от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П и др.);

федеральный законодатель, осуществляя дифференциацию в правовом положении граждан в зависимости от такого критерия, как достижение определенного возраста, вправе использовать его только в случае, если он позволяет разделить граждан на объективно разные категории (постановления от 17 апреля 2018 года № 15-П и от 22 мая 2018 года № 19-П);

соблюдение принципа равенства всех перед законом и судом, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (постановления от 16 июня 2006 года № 7-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 25 февраля 2016 года № 6-П и др.).

6. Таким образом, часть седьмая статьи 53¹ УК Российской Федерации, рассматриваемая в системе действующего правового регулирования, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 50 (часть 3) и 55 (часть 3), в той мере, в какой она, исключая замену

неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами осужденному мужчине единственно в силу достижения им шестидесятилетнего возраста, даже если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям, не сбалансирована в системе действующего правового регулирования гарантиями возможности применения иных вариантов смягчения наказания такому лицу (замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы другими сопоставимыми с принудительными работами видами наказания либо более мягкими видами режима отбывания лишения свободы).

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на ее положениях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

До установления соответствующего законодательного регулирования осужденному мужчине, достигшему шестидесятилетнего возраста, поскольку его ходатайство о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами прямо свидетельствует о его персональном желании трудиться, не может быть отказано в такой замене только лишь на основании указанного возраста, если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям и отсутствует возможность применить в рамках действующего правового регулирования иные способы смягчения наказания, а состояние его здоровья, в том числе с учетом перспектив его динамики на срок возможного отбывания данного вида наказания, позволяет выполнять трудовую функцию при привлечении к принудительным работам. При этом ему должна быть обеспечена возможность подтвердить способность выполнять трудовые обязанности посредством оценки его состояния здоровья, а он – поскольку, подавая такое ходатайство, добровольно принимает на себя обязательство трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией учреждений, исполняющих наказания, – не вправе отказаться от выполнения этой обязанности, ссылаясь на пенсионный возраст, что подлежит разъяснению осужденному при разрешении вопроса о замене наказания.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать часть седьмую статьи 53¹ УК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 50 (часть 3) и 55 (часть 3), в той мере, в какой она, исключая замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами осужденному мужчине единственно в силу достижения им шестидесятилетнего возраста, даже если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям, не сбалансирована в системе действующего правового регулирования гарантиями возможности применения иных вариантов смягчения наказания такому осужденному.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на ее положениях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

До установления соответствующего законодательного регулирования осужденному мужчине, достигшему шестидесятилетнего возраста, не может быть

отказано в замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами только лишь на основании указанного возраста, если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям и отсутствует возможность применить в рамках действующего правового регулирования иные способы смягчения наказания, а состояние его здоровья, в том числе с учетом перспектив его динамики на срок возможного отбывания данного вида наказания, позволяет выполнять трудовую функцию при привлечении к принудительным работам.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Егорова Владимира Николаевича, основанные на части седьмой статьи 53¹ УК Российской Федерации, признанной настоящим Постановлением не соответствующей Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства 20 Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

**ИМЕНЕМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Конституционного Суда Российской Федерации**

по делу о проверке конституционности части первой¹ статьи 110 и статьи 389² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н.И.Мургиной

город Санкт-Петербург

9 апреля 2022 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой¹ статьи 110 и статьи 389² УПК Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Н.И.Мургиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации, оспариваемые заявительницей положения.

Заслушав заключение судьи-докладчика А.Н.Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Гражданка Н.И.Мургина оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

части первой¹ статьи 110 «Отмена или изменение меры пресечения», устанавливающей, что мера пресечения в виде заключения под стражу изменяется на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования; перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, порядок их медицинского освидетельствования и форма медицинского заключения утверждаются Правительством Российской Федерации; решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу принимается дознавателем, следователем или судом, в производстве которых находится уголовное дело, не позднее 3 суток со дня поступления к ним из мест содержания под стражей копии медицинского заключения;

статьи 389² «Судебные решения, подлежащие апелляционному обжалованию», а фактически – ее частей второй и третьей, согласно которым определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного 3 разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу, за исключением постановлений мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству, судебных постановлений или определений об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия, о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы, о наложении ареста на имущество, об установлении или продлении срока ареста, наложенного на имущество, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору, других судебных решений, затрагивающих права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующих дальнейшему движению дела, а также частных определений или постановлений.

Кроме того, заявительница подвергает сомнению конституционность Постановления Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений», которым утверждены Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (далее также – перечень тяжелых заболеваний, перечень), и форма медицинского заключения о наличии (отсутствии) тяжелого заболевания, включенного в этот перечень.

1.1. В отношении Н.И.Мургиной в связи с обвинением ее в совершении преступлений, предусмотренных частями третьей и четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу,

срок которой неоднократно продлевался судом на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства.

Н.И.Мургина, ссылаясь в числе прочего на медицинский диагноз, поставленный ей врачами скорой помощи после осмотра, утверждала о наличии у нее заболевания из перечня тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей. Однако с данным утверждением не согласились районный суд и вышестоящие суды, рассмотревшие жалобы, поданные в интересах заявительницы на решения, связанные с избранием и продлением в отношении нее меры пресечения (постановления Центрального районного суда города Калининграда от 4 июля 2020 года, от 14 декабря 2020 года, от 19 января 2021 года, от 24 мая 2021 года и от 6 августа 2021 года, апелляционные постановления Калининградского областного суда от 22 июля 2020 года, от 25 января 2021 года, от 18 февраля 2021 года, от 28 июня 2021 года, от 30 августа 2021 года и от 21 января 2022 года, постановления судей Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2021 года и от 17 мая 2021 года и судей Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2021 года, от 14 июля 2021 года, от 3 августа 2021 года и др.).

Постановлениями начальника следственного изолятора от 15 декабря 2020 года и от 10 июня 2021 года отказано в удовлетворении ходатайств о направлении Н.И.Мургиной на медицинское освидетельствование. По ее словам, административные искивые заявления на эти постановления не были отправлены администрацией следственного изолятора в суд.

Центральный районный суд города Калининграда постановлениями от 6 ноября 2020 года и от 14 января 2021 года отказал в принятии к рассмотрению поданных по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации жалоб Н.И.Мургиной на постановления следователя, отказавшего в удовлетворении ходатайств о ее направлении на медицинское освидетельствование. Суд исходил из того, что вопросы назначения и проведения медицинского освидетельствования, как не связанные с осуществлением уголовного преследования, не образуют предмета контроля в порядке названной статьи, а также из того, что предварительное расследование уголовного дела завершено и оно с 30 декабря 2020 года рассматривается по существу в суде первой инстанции. С этими выводами согласились суды вышестоящих инстанций (апелляционные постановления Калининградского областного суда от 18 января 2021 года и от 18 марта 2021 года, постановление судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 29 марта 2021 года, письма судей Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 года и от 28 июня 2021 года).

Во время рассмотрения по существу уголовного дела судом первой инстанции Н.И.Мургина заявила ходатайство о направлении ее на медицинское освидетельствование (выписка из протокола судебного заседания от 16 июня 2021 года), в удовлетворении которого суд отказал, отметив, что состояние ее здоровья учитывалось при решении вопроса о мере пресечения, и разъяснив право подсудимой обратиться с соответствующим заявлением к начальнику места содержания под стражей (выписка из протокола судебного заседания от 28 июня 2021 года). Апелляционную жалобу на это решение суд огласил и разъяснил, что такой отказ не может быть обжалован отдельно от итогового судебного решения (выписка из протокола судебного заседания от 21 июля 2021 года), а последующая кассационная жалоба возвращена заявительнице без рассмотрения в том числе со ссылкой на статью 389² УПК Российской Федерации – как не допускающую обжалования такого рода отказа до вынесения итогового решения по уголовному делу (письмо судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 сентября 2021 года).

10 декабря 2021 года в отношении Н.И.Мургиной постановлен обвинительный приговор.

По ее утверждению, часть первая¹ статьи 110 УПК Российской Федерации и Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 не соответствуют статьям 20, 22, 41, 45, 46 и 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они допускают содержание лица под стражей без установления определенного срока и порядка его освобождения в связи с заболеванием, включенным в перечень, утвержденный названным подзаконным актом (в связи с обоснованным предположением о наличии такого заболевания), который, в свою очередь, неконституционен и потому, что ставит разрешение вопроса о направлении лица на медицинское освидетельствование в зависимость от позиции органа, избравшего в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу. Оспариваемые Н.И.Мургиной положения противоречат, с ее точки зрения, статьям 20, 22, 45 и 46 Конституции Российской Федерации, поскольку исключают на стадии рассмотрения уголовного дела судом незамедлительное апелляционное обжалование судебного решения, которым отказано в удовлетворении ходатайства о направлении подсудимого на медицинское освидетельствование.

1.2. Согласно статьям 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с его участием, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации. При этом Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

В деле Н.И.Мургиной оспариваемые ею положения в части решения вопроса о сроках и порядке освобождения из-под стражи обвиняемого (подсудимого), страдающего заболеванием, включенным в перечень, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3, судом не применялись. Кроме того, вопреки ее утверждению, названное Постановление не содержит предписаний, ставящих разрешение вопроса о направлении такого лица на медицинское освидетельствование в зависимость от позиции органа, избравшего ему меру пресечения в виде заключения под стражу.

Часть же первая¹ статьи 110 УПК Российской Федерации (в единстве с ее частями первой и второй, частью второй статьи 29, статьями 108, 119–122 и 255 данного Кодекса, пунктами 2–4 и 6 Правил, утвержденных названным Постановлением) закрепляет полномочие суда как органа, в чьем производстве находится уголовное дело, рассматривать ходатайство подсудимого (каковым в силу части второй статьи 47 данного Кодекса именуется обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство), которому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, либо его законного представителя или защитника о направлении такого подсудимого на медицинское освидетельствование для выявления заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, с целью решения вопроса о допустимости продления данной меры пресечения, ее изменения или отмены. При этом в соответствии с указанной нормой решение об изменении подсудимому меры пресечения в виде заключения под стражу принимается судом, в чьем производстве находится уголовное дело, не позднее 3 суток со дня

поступления к нему из мест содержания под стражей копии медицинского заключения. Такое регулирование не только не нарушает конституционные права содержащихся под стражей подсудимых, но и, напротив, обеспечивает защиту их прав и законных интересов (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2014 года № 1485-О). Иные положения части первой¹ статьи 110 данного Кодекса и названного Постановления также не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявительницы в обозначенном ею аспекте.

Следовательно, производство по настоящему делу в части проверки конституционности части первой¹ статьи 110 УПК Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 подлежит прекращению на основании части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются части вторая и третья статьи 389² УПК Российской Федерации в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос об апелляционном обжаловании постановления (определения) суда первой инстанции, рассматривающего по существу уголовное дело в отношении подсудимого, содержащегося под стражей, об отказе в направлении его на медицинское освидетельствование для установления у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей.

2. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации относит к числу неотъемлемых и неотчуждаемых прав, принадлежащих человеку от рождения и охраняемых государством, право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 2; статья 17, часть 2; статья 41, часть 1). Этому корреспондируют положения Всеобщей декларации прав человека, включающей в число прав, требующих всеобщего и эффективного признания и осуществления, право на поддержание здоровья и медицинский уход (статья 25), а в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах закреплено право каждого на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, в целях осуществления которого на государство возложена обязанность в числе прочего принять необходимые меры для создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни (пункт 1 и подпункт «d» пункта 2 статьи 12).

Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь должно гарантироваться и подозреваемым, обвиняемым в совершении преступлений, подсудимым, в том числе, когда они заключены под стражу. Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности (пункт 1 статьи 10).

Поскольку лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, обладают ограниченными возможностями самостоятельно заботиться о своем здоровье и безопасности, названные права гарантируются возложением на государство (должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, включая суды, и администрацию места содержания под стражей) публично-правовой обязанности заботиться о жизни и здоровье заключенных, которая выражается, в частности, в обязанности произвести обследование и установить диагноз, осуществить лечение, изменить меру пресечения в случае выявления тяжелого заболевания, угрожающего жизни, если его лечение в условиях мест содержания под стражей невозможно. Исполнение этой публично-правовой

обязанности государственные органы и их должностные лица должны обеспечивать соответствующими процессуальными средствами (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2014 года № 1484- О и № 1485-О). Важнейшее из таких средств – судебная защита прав лиц, содержащихся под стражей. Она предназначена для конкретизации применительно к правосудию по уголовным делам конституционного права каждого на судебную защиту, одним из элементов которого является судебное обжалование решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц, в том числе судов (статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации). Причем судебная защита должна быть своевременной и надлежащим образом обеспечивать приоритет конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь в балансе частных и публичных интересов, реализуемых в процессе производства по уголовному делу. Тем более что тяжелое заболевание содержащегося под стражей подозреваемого, обвиняемого, подсудимого может препятствовать осуществлению им своих процессуальных прав (участию в судебном заседании, ознакомлению с содержанием судебного процесса, выработке и доведению до суда своей позиции), т.е. ограничивать его доступ к правосудию.

3. Одним из прав подсудимого, которому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, обеспечивающим его конституционные права на судебную защиту и на охрану здоровья и медицинскую помощь, является право на апелляционное обжалование постановления (определения) суда первой инстанции, рассматривающего по существу уголовное дело, об отказе в направлении его на медицинское освидетельствование для установления у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей (статья 389² УПК Российской Федерации). Это право реализуется подсудимым путем заявления самостоятельного требования или в связи с рассмотрением судом вопросов о продлении избранной ему меры пресечения в виде заключения под стражу, о ее изменении или отмене (статьи 109, 110 и 255 УПК Российской Федерации).

Согласно части второй статьи 389² УПК Российской Федерации определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу, за исключением судебных решений, указанных в части третьей той же статьи. В силу же ее части третьей до вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию подлежат постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству, судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия, о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы, о наложении ареста на имущество, об установлении или продлении срока ареста, наложенного на имущество, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору, другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела, а также частные определения или постановления.

Приведенные законоположения по их буквальному смыслу и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, допускают, как это видно в том

числе из дела Н.И.Мургиной, апелляционное обжалование постановления (определения) суда первой инстанции об отказе в направлении подсудимого на медицинское освидетельствование для установления у него заболевания, препятствующего содержанию под стражей, лишь одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу, исключая возможность незамедлительного апелляционного обжалования означенного отказа.

Однако обжалование отказа направить на медицинское освидетельствование подсудимого, у которого на основании объективных медицинских данных установлены признаки заболевания, препятствующего его дальнейшему содержанию под стражей, одновременно с обжалованием приговора или иного итогового судебного решения влечет отложение этого вопроса на длительное время, поскольку нормативный срок содержания подсудимого под стражей до вынесения итогового судебного решения составляет, согласно частям второй и третьей статьи 255 УПК Российской Федерации, 6 месяцев и продлевается по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях каждый раз не более чем на 3 месяца. Такая задержка в разрешении вопроса об освобождении подсудимого из-под стражи в связи с ухудшением его здоровья, невозможностью оказать ему необходимую медицинскую помощь в условиях места содержания под стражей противоречит предназначению института медицинского освидетельствования лица, содержащегося под стражей, как гарантии его права на жизнь и на охрану здоровья, предполагающей своевременность оказания медицинской помощи, а также создает необоснованные препятствия для безотлагательного использования права на судебную защиту, которое – по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – подобному ограничению не подлежит.

Решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайства содержащегося под стражей подсудимого либо его законного представителя или защитника о направлении подсудимого на медицинское освидетельствование в порядке, предусмотренном Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3, порождает – затрагивая право на охрану здоровья и на получение медицинской помощи (ограничивая право на независимое медицинское обследование при наличии объективных признаков тяжелого заболевания), находящееся под защитой статьи 41 (часть 1) Конституции Российской Федерации, – последствия, выходящие за рамки собственно уголовнопроцессуальных отношений.

Между тем согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации при обжаловании в вышестоящий суд определений и постановлений суда первой инстанции заинтересованным участникам судопроизводства должна быть обеспечена возможность еще до завершения производства в суде первой инстанции обжаловать судебные решения, если они порождают последствия, выходящие за рамки собственно уголовнопроцессуальных отношений, существенно ограничивая конституционные права и свободы личности и причиняя им вред, восполнение которого в дальнейшем может оказаться неосуществимым, поскольку проверка таких решений одновременно с рассмотрением жалобы на приговор не может быть признана эффективным средством защиты нарушенных прав (постановления от 2 июля 1998 года № 20-П, от 17 июня 2021 года № 29-П и др.; определения от 15 июля 2008 года № 477-О-О, от 25 декабря 2008 года № 939-О-О, от 28 мая 2009 года № 803-О-О, от 8 апреля 2010 года № 602-О-О, от 29 сентября 2020 года № 1986-О и др.).

4. Таким образом, части вторая и третья статьи 389² УПК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 20 (часть 1), 41 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой – в системе действующего правового регулирования – в соответствии с данными

законоположениями отсутствие итогового судебного решения по делу препятствует апелляционному обжалованию постановления (определения) суда первой инстанции об отказе в направлении содержащегося под стражей подсудимого на медицинское освидетельствование, проводимое в порядке, закрепленном Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3, для установления у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из предписаний Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения. Впредь до внесения таких изменений Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливает следующий порядок исполнения настоящего Постановления:

в тех случаях, когда по результатам оценки судом первой инстанции состояния здоровья подсудимого на основе объективных медицинских данных, иных доказательств у него не установлены признаки заболевания, препятствующего дальнейшему содержанию под стражей, законность и обоснованность решения суда первой инстанции об отказе в удовлетворении (в рассмотрении) ходатайства подсудимого либо его законного представителя или защитника о направлении подсудимого на медицинское освидетельствование подлежит проверке судом апелляционной инстанции при рассмотрении жалобы, представления на решение суда о продлении срока содержания под стражей;

если же по результатам оценки судом первой инстанции состояния здоровья подсудимого на основе объективных медицинских данных у него установлены признаки заболевания, препятствующего дальнейшему содержанию под стражей, то основанное на иных доказательствах постановление (определение) суда об отказе в направлении подсудимого на медицинское освидетельствование на предмет наличия (отсутствия) у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, подлежит самостоятельному апелляционному обжалованию до вынесения итогового судебного решения по делу.

Механизм обжалования постановления (определения) суда первой инстанции об отказе в направлении содержащегося под стражей подсудимого на медицинское освидетельствование направлен на защиту его конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41, часть 1, Конституции Российской Федерации) в период его пребывания под стражей. Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации принимает во внимание, что вопрос о состоянии здоровья Н.И.Мургиной рассматривался судами при продлении срока ее содержания под стражей. При этом к моменту принятия настоящего Постановления у заявительницы в связи с вынесением приговора имелась возможность для проверки законности и обоснованности ранее вынесенного решения суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ее ходатайства о направлении на медицинское освидетельствование, а на основе выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций у нее отсутствуют препятствия – в случае продолжения ее нахождения под стражей – для решения судом соответствующей инстанции с учетом состояния здоровья Н.И.Мургиной вопроса о направлении ее на медицинское освидетельствование в порядке, предусмотренном Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3, и для возможного обжалования принятого решения в соответствии с указанными выше критериями использования этих процессуальных механизмов.

При таких обстоятельствах Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 101 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», приходит к выводу об отсутствии оснований для пересмотра правоприменительных решений, вынесенных в отношении заявительницы. Не усматривается с учетом отмеченного в данном случае и оснований для применения в отношении заявительницы компенсаторных механизмов (часть четвертая статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать части вторую и третью статьи 389² УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 20 (часть 1), 41 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой – в системе действующего правового регулирования – в соответствии с данными законоположениями отсутствие итогового судебного решения по делу препятствует апелляционному обжалованию постановления (определения) суда первой инстанции об отказе в направлении содержащегося под стражей подсудимого на медицинское освидетельствование, проводимое в порядке, закрепленном Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений», для установления у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из предписаний Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части первой¹ статьи 110 УПК Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства 17 Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

**Конституционное
П Р А В О С У Д И Е**

Вестник
Евразийской ассоциации органов
конституционного контроля

Выпуск 1 (85)

Адрес редакции: 010000, г. Нур-Султан, ул. Кунаева, 39
Тел.: 74-76-52, факс: 74-76-51
e-mail: okr@ksrk.gov.kz
www.ksrk.gov.kv